

Неожиданный остросюжетный роман от автора
мирового бестселлера «P.S. Я люблю тебя»

Сесилия Ахерн

КЛЕЙМО

Annotation

Селестина Норт идеальна во всем: образцовая дочь и сестра, любимица учителей и одноклассников, девушка неотразимого Арта Кревана. Но однажды Селестина попадает в непредвиденную ситуацию и, следуя велению сердца, нарушает закон. Кара неотвратима: либо тюрьма, либо Клеймо. То есть — навеки отверженная. Блистательная Сесилия Ахерн нарисовала мир, в котором идеал ценится превыше всего и малейшие отступления от него наказуемы. Что произойдет, когда юная девушка рискнет всем, что ей дорого, и решится противостоять системе? Дебютный роман в жанре «young adult» от автора международных бестселлеров — удивительно достоверная и эмоциональная история, герои которой покорят сердца читателей любого возраста. Права на экранизацию книги приобретены компанией Warner Bros.

Сесилия Ахерн Клеймо

Cecelia Ahern
FLAWED

© 2016 Cecelia Ahern

© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

Сделай то, чего ты больше всего боишься, и обретешь свободу.

Роберт Тью

Логика превыше всего. Либо черное, либо белое. Такой я была.
Запомните меня такой.

Не доверяй человеку, который без приглашения усаживается во главе стола в чужом доме.

Это не мои слова. Это слова моего деда Корнелиуса, которому за такую дерзость пришлось отправиться подальше от того самого стола, и нескоро его вновь позовут в наш дом. Беда не в том, что он сказал, беда в том, к кому относились эти слова. Судья Креван — один из самых могущественных людей страны. И вот он вновь, презрев прошлогоднее замечание моего деда, сидит у нас во главе стола на ежегодном Дне Земли.

Отец вернулся из кухни с бутылкой красного вина, а его законное место занято. Я видела, он был этим задет, но ведь это — судья Креван, так что папа остановился, поигрывая штопором и соображая, как поступить, а затем обошел вокруг стола и сел на другом конце, рядом с мамой, — там, где следовало бы сидеть судье. Я видела, что и мама нервничает: она выглядела еще более идеальной, чем обычно. Ни один волосок не выбьется из идеальной прически, светлые волосы тщательно свиты в узел, который она каким-то образом уложила сама — и как дотянулась до затылка? Пока такое соорудишь, плечи вывихнешь. Фарфоровая кожа без единого изъяна просвечивает насквозь. Безупречный макияж, васильковое кружевное платье в точности под цвет глаз, мышцы рук в отличной форме.

Такой красавицей моя мама представляла каждый день перед множеством людей: она — известная модель. Родив нас троих, она сохранила совершенную фигуру, хотя, я подозреваю, ей, как и большинству людей, понадобилась для этого помощь хирурга. О том, что у мамы выдался дурной день или тяжелая неделя, мы догадываемся, когда она является домой с чуть более пухлыми щеками, с капризным изгибом губ, лоб разглаживается, исчезают усталые подглазья. Слегка откорректировать свою внешность — лучшее для нее утешение. И к другим людям она столь же придирчива, оценивает их по тому, как они выглядят, выносит приговор раз и навсегда. Все, что недотягивает до идеала, ее настораживает: кривые зубы, двойной подбородок, слишком крупный нос вызывают безотчетное недоверие к собеседнику. В этом моя мама далеко не одинока, почти все так судят о людях. Она говорит: никто не станет продавать немытую машину, обязательно начистит до блеска. И так же человек должен ухаживать за собой. А если кому-то лень поддерживать свой внешний облик, это выдает его внутреннюю сущность. Я тоже перфекционистка, однако мой перфекционизм не распространяется на внешность, только на поведение и речь, что доводит до колик мою сестру Джунипер. Вот уж кто самый неточный человек из всех, кого я знаю! Впрочем, в ее неточности есть свой закон, надо отдать ей должное.

Я почти самодовольно слежу за нервным поведением моих близких, ведь меня-то это не затрагивает. Мне скорее смешно. Судья Креван для меня — Боско, отец моего бойфренда Арта. Каждый день я бываю у них дома, мы вместе ездили отдыхать, я присутствовала на семейных мероприятиях, знаю Боско гораздо ближе, чем знают его мои родители да и все остальные. Я видела его спозаранку, с всклокоченными волосами и пастой на губах. Видела посреди ночи, когда в трусах и носках (он так и спит в носках) он сонно брел в туалет или на кухню за стаканом воды. Видела его пьяным, в полной отключке на диване: рот разинут, рука глубоко засунута в ширинку. Я сыпала попкорн ему за пазуху, окунала его пальцы в теплую воду, когда он вот так спал, — пусть опишется. Я видела, как он пьяно танцует и пытается дурным голосом петь под караоке. Слышала, как он рыгает после такой вечеринки.

Слышала его храп. Знаю, как воняют его газы, и слышала его рыдания. Нет причин бояться того, кого ты знаешь как человека, во всех его человеческих слабостях.

Но мои близкие и все граждане нашей страны видят в нем грозную фигуру, внушающую страх и почтение. Я бы сравнила его с судьей из шоу талантов, с одним из этих мультяшно преувеличенных персонажей, которые ловят кайф от всеобщего негодования. Я люблю передразнивать его, к большому удовольствию Арта. Арт катается от смеха, когда я торжественно расхаживаю перед ним с самодельным капюшоном на голове, изображая Боско в роли судьи, корчу грозные рожи и тычу направо и налево пальцем. Боско всегда тычет пальцем в камеру. Я убеждена: эта внушающая ужас личина судьи — неотъемлемая часть его работы, но это всего лишь маска, на самом деле он не такой. Стоит глянуть, как он с разгону влетает в бассейн, забрызгивая всех.

Боско — для всех, кроме нас с Артом, судья Креван — верховный судья Трибунала. Трибунал был создан правительством как временное решение для публичных расследований общественно значимого ущерба, но превратился в постоянный комитет, рассматривающий обвинения, за которые полагается Клеймо. Обвиняемые — обычные граждане, не преступники, но они допустили морально-этические ошибки, провинились перед обществом.

Я никогда не бывала в суде, но заседания ведутся открыто, их можно смотреть по телевизору. Процесс честный и справедливый, заслушиваются не только свидетели самого события, но и родственники и друзья подсудимого дают показания о его характере и репутации. В День Именования судьи решают, порочен подсудимый или нет. Если сочтут его порочным, его имя будет объявлено публично и он будет заклеимен буквой «П» на одном из пяти мест, в зависимости от вины.

За неверное решение — Клеймо на виске.

За ложь — на языке.

За попытку обокрасть общество — на правой ладони.

За измену Трибуналу — Клеймо на груди, там, где сердце.

За то, что не шел в ногу с обществом, — на подошве правой ноги.

Заклейменные носят нарукавные повязки с красной буквой «П» и не смеют снимать, чтобы все могли сразу же их опознать и чтобы их пример служил предостережением. Их не сажают в тюрьму, ведь они не нарушили закон, однако их проступок нанес ущерб устоям общества. Они так и живут среди нас, но подвергаются остракизму, живут по особым законам.

После того как страна сползла по скользкому скату в глубокий экономический кризис, спровоцированный, как полагали, неудачными решениями руководства, Трибунал был создан главным образом для того, чтобы удалить с ключевых должностей таких ненадежных и дурных людей. Теперь Трибунал успевает вытеснить их из общества еще прежде, чем они достигнут значительного поста и смогут причинить вред. А в ближайшем будущем, сулит нам Трибунал, удастся создать высокоморальное, безупречное в этическом смысле общество. Судья Боско Креван в глазах почти всех граждан — настоящий герой.

Арт унаследовал красоту от отца — светлые волосы, озорные синие глаза. Эти светлые волосы завиваются непокорными кудрями, огромные голубые глаза вечно сверкают в предвкушении очередной проказы, но ему все сходит с рук — таким уродился. Сейчас за праздничным столом он сидит напротив меня, и я с трудом заставляю себя хоть изредка оторвать от него взгляд, а внутри все поет и ликует: он мой. К счастью, он не унаследовал от

судьи его напряженность и строгость, он умеет позабавиться, вовремя отмочит шутку, если разговор станет чересчур уж серьезным. Время он подгадывает замечательно, смеется даже Боско. Арт для меня — яркое солнышко, его свет проникает в самые темные уголки.

Каждый год в апреле мы празднуем День Земли вместе с соседями, Креванами и Тиндерами. Мы с Джунипер с раннего детства любим этот праздник, заранее начинаем зачеркивать дни на календаре, придумываем, что надеть, украшаем дом, накрываем стол, а на этот раз я особенно волнуюсь, потому что мы впервые встречаем его «официально» вместе с Артом. Нет, конечно, я не собираюсь лапать его под столом или что-нибудь подобное, но я сижу за одним столом с моим бойфрендом, и от этого праздник еще праздничнее.

Папа возглавляет круглосуточный новостной канал News-24, а наш сосед, которого мы тоже ждем к обеду, Боб Тиндер, — главный редактор газеты Daily News, и она, как и телеканал, входит в холдинг Crevan Media, то есть у этих троих деловые отношения сочетаются с добрососедскими. Тиндеры всегда опаздывают. Не понимаю, как Боб ухитряется выдерживать сроки выпуска, если он не способен даже прийти вовремя к обеду, и так из года в год. Мы целый час просидели с напитками в гостиной, а потом перешли в столовую, надеясь, что это телепатически заставит их поторопиться. И теперь за столом три пустых стула (третий для их дочери Колин, моей одноклассницы).

— Пора начинать. — Боско оторвался от телефона, прервал нашу болтовню и чинно выпрямился.

— Обед не перестоится, — успокоила его мама, принимая из рук отца очередной бокал вина. — Я предусмотрела небольшую задержку, — добавила она с улыбкой.

— Пора начинать, — повторил Боско.

— Ты торопишься? — Арт с недоумением покосился на отца: почему тот засуетился? — Нет смысла соблюдать пунктуальность: никто не придет вовремя, чтобы тебя похвалить. — Шутка Арта вызвала общий смех. — Мне ли не знать, вечно дожидаясь свою девушку. — И он под столом слегка коснулся ногой моей ноги.

— Вовсе нет, — запротестовала я. — *Пунктуальный человек является строго в назначенный час.* Ты не пунктуален, ты всегда приходишь слишком рано.

— Ранняя птичка первого червячка клюет, — напомнил мне Арт.

— А ранняя мышка угодит в мышеловку, сыр достанется второй, — подначила я, и Арт показал мне язык.

Мой братишка Эван захихикал. Джунипер скривилась.

Боско, осердившись на эту болтовню, резко оборвал нас:

— Саммер, Каттер, мы приступаем к обеду.

Он произнес эти слова так, что мы подавились смехом и в растерянности уставились на него. Он приказывал нам.

— Папа! — удивленно воскликнул Арт и от смущения чуть не засмеялся снова. — Ты у нас теперь полиция питания?

Боско пристально смотрел в глаза моей маме. Это странно, тяжело подействовало на всех сидевших за столом: так сгущается воздух перед ударом грома. Виснет, нагоняя мигрень, влажная тяжесть.

— Разве не стоит подождать Боба с Ангелиной? — переспросил мой отец.

— И Колин, — вставила я, а Джунипер снова скривилась точно так же, как в первый раз: терпеть не может мою манеру ставить все точки над *i*, но что я могу с собой поделать?

— Нет, не стоит, — отвечал судья просто и строго, не сочтя нужным хоть слово к этому добавить.

— Хорошо. — Мама поднялась и отправилась на кухню, спокойная, невозмутимая, будто ничего и не произошло, хотя я понимала, что на самом деле ноги у нее подкашиваются.

В растерянности я поглядела на Арта и увидела, что он тоже почувствовал сгустившееся напряжение и на языке у него вертится шуточка: он всегда балагурит, если ему неловко, страшно, не по себе. И я заметила, как приподнялась его верхняя губа: мысленно он проговаривал хлесткую заключительную реплику, но вслух ему произнести эту шутку так и не довелось, потому что раздался сигнал сирены.

Сирена воеет — долгий, протяжный, пугающий звук. Заставляет тебя подскочить на месте, сердце бьется в испуге, каждой клеточкой ты чувствуешь опасность. Этот звук знаком мне с рождения: когда его слышишь, молишься, чтобы не за тобой. Трибунал называет сирену «сигналом тревоги»: фургоны Трибунала режут непрерывно три минуты, пять минут, и, хотя войны я никогда не видела, я начинаю понимать, что люди чувствовали перед воздушным налетом. Этот звук вторгается в самые обыденные минуты жизни, в самые радостные мысли. Сирена приближается к нашему дому, нарастает зловещий вой. Все мы на миг замираем, как были, за столом, а потом Джунипер, потому что Джунипер — она такая, говорит не подумав и в движениях неуклюжа, — вскакивает первой, чуть не опрокинув стол, звенят бокалы, красное вино словно капли крови выплескивается на белую скатерть. Не извиняясь, не попытавшись навести порядок, сестра выбегает из столовой. Отец следует за ней по пятам.

Мама ошеломлена, застыла, как лань, попавшая в перекрестный свет фар. Она смотрит на Боско, страшно побледнев, я боюсь, она упадет в обморок. Она даже не попыталась удержать маленького Эвана, когда и тот ринулся вон из дома.

Сирены все громче, сирены все ближе. Теперь уже и Арт вскочил, а значит, и я, как он, бегу за ним по коридору, во двор, все уже собрались там, жмутся тесной кучкой друг к другу. И в соседних дворах — то же самое: старики Миллеры справа от нас крепко обнялись, приникли друг другу, на лицах ужас. Оглядываясь по сторонам, я вижу: точно так же ведут себя все соседи. Все выбежали во двор, цепляются друг за друга и ждут, у чьего дома замрет сирена. Прямо через дорогу от нас Боб Тиндер распахнул дверь и вышел на крыльцо. Он увидел отца, они глядят друг другу в глаза. Что-то происходит между ними, но я не понимаю что. Сначала подумала, папа сердится на Боба, но и Боб смотрит точно как папа. Я не могу разгадать, в чем дело, я не понимаю, что делается. Мы все ждем. Кого на этот раз?

Арт хватается меня за руку, крепко сжимает ладонь, подбадривает, пытается выдать одну из своих всепобеждающих улыбок, но улыбка дрожит и слишком быстро исчезает с губ, так что эффект, пожалуй, противоположный. Сирены уже вплотную, звук внедряется в уши, в черепную коробку. Свернули на нашу улицу. Два черных фургона с ярко-красными «П» на обоих бортах, все должны сразу видеть, кто это. Гражданские стражи, армия Трибунала, оберегающая общество от достойных Клейма. Не регулярная полиция — стражи следят за морально или этически ущербными. Преступники отправляются в суд и тюрьму, ими Трибунал не занимается.

Вспыхивают мигалки на крышах фургонов, вращаются красные лампы, такие яркие, что и тусклое небо от них загорается, всем в глаза бьет этот тревожный луч. Семьи, собравшиеся на День Земли, все крепче хватаются друг за друга, молясь, чтобы никого из близких не выхватили, не отняли у них. Только не мою семью, не мой дом, не сегодня. Оба фургона остановились посреди улицы прямо перед нашим домом, и меня затрясло. Сирены смолкли.

— Нет, — шепчу я.

— Нас они тронуть не смеют, — шепчет мне Арт, и такая уверенность у него на лице, что я сразу успокаиваюсь. Конечно, это не за нами, с нами нынче обедает сам судья Крewan, мы, можно сказать, неприкосновенны. Эта мысль отчасти рассеивает страх, но остается сожаление о том бедолаге, за кем они явились. Я всегда верила, что Заклейменные — плохие, что стражи на моей стороне, меня защищают, но теперь это происходит на моей улице, у порога моего дома, и все меняется: «мы» против «них». Нелогичная, опасная мысль. От нее снова бросает в дрожь.

Дверь фургона скользит в сторону, раздаются свистки — изнутри выскакивают четверо стражей в униформе, красных опознавательных жилетах поверх черных военных рубашек. Они дуют в свистки на каждом шагу, от этого пронзительного свиста мой разум цепенеет и ни единой мысли не удается додумать до конца. Ничего, кроме паники. Они бегут не к нам, как и обещал Арт, они бегут в другую сторону, к дому Тиндеров.

— Нет, нет, нет! — бормочет отец, и мне слышится нарастающий гнев в его голосе.

— Боже мой! — шепчет Джунипер.

Я в ужасе гляжу на Арта, жду его реакции, а он смотрит прямо перед собой, напряженно двигается его нижняя челюсть. А потом я замечаю, что мама и Боско так и не вышли к нам.

Выпустив руку Арта, я бегом возвращаюсь на крыльцо:

— Мама, Боско, скорее! Это за Тиндерами!

Мама спешит к нам, волосы выбились из укладки, упали ей на лицо. Отец оборачивается к ней, они обмениваются взглядами, что-то безмолвно обсуждая между собой. Руки отца бессильно свисают, он непроизвольно сжимает и разжимает кулаки. Боско нет как нет.

— Ничего не понимаю, — говорю я, видя, как стражи приближаются к Тиндерам. — Что происходит?

— Цыц! Смотри! — обрывает меня Джунипер.

Колин Тиндер, моя одноклассница, стоит в дворе своего дома рядом с отцом и двумя младшими братьями, Джейкобом и Тимоти. Боб Тиндер загораживает собой детей, пытается их защитить, он выпятил грудь, словно отражая нашествие, — его семью не тронут, в его дом не войдут, не сейчас, не сегодня...

— Не могут же они арестовать малышей! — восклицает мама. Голос ее еле слышен, заторможен: я понимаю, что она смотрит во все глаза и ей страшно.

— Нет, конечно, — отвечает отец. — Это за ним. За Бобом.

Но офицеры Трибунала проходят мимо Боба, проходят, не обращая внимания на детей, которые с перепугу разревелись. На ходу они суют в лицо Бобу какую-то бумагу, и он пытается ее прочесть, а они тем временем уже входят в дом. Внезапно осознав, что происходит, Боб отбрасывает ордер и бежит следом за стражами. Он громко, так, что и мы слышим, велит Колин успокоить мальчишек, но как их успокоить, ведь они уже в панике.

— Я ей помогу. — Джунипер делает шаг к калитке, но отец хватается за руку, и она даже вскрикивает от боли.

— Стой тут! — приказывает отец. Никогда не слышала, чтобы он так говорил с кем-нибудь из нас.

Из дома несутся вопли. Это Ангелина Тиндер. Мамины ладони взлетают к лицу. Ее безупречная маска дала трещину.

— Нет! Нет! — выкрикивает Ангелина снова и снова, и вот она появляется в дверях, по

обе стороны от нее стражи. Она уже почти оделась к обеду, в черном атласном платье, нитка жемчуга на шее, но бигуди не успела снять. Сандалии с яркими камушками. Ее тащат прочь из родного дома. Оба мальчика кричат в голос: уводят их маму. Они бросились к ней, пытаются за нее уцепиться, стражи их оттаскивают.

— Не трогайте моих сыновей! — вопит Боб, бросаясь на стражей, но его сбивают с ног, и два здоровяка прижимают его к земле, а Ангелина иступленно рыдает и молит не разлучать ее с малышами. Никогда я не видела, чтобы человек так кричал и плакал, никогда не слышала подобных звуков. Ничего перед собой не различая, она спотыкается, стражи подхватывают ее, и Ангелина волочится за ними, хромя: сломала каблук праздничной обуви.

Боб, распростертый на земле, кричит:

— Проявите же к ней хоть каплю уважения, черт побери!

Ее впихнули в фургон. Дверца скользит, закрываясь. Свистки умолкли.

Никогда я не видела, чтобы мужчина так плакал. Два стража, удерживавшие его на земле, заговаривают с ним — негромко, спокойно. Он прекращает кричать во весь голос, но плакать не перестает. В конце концов они отпускают его и скрываются во втором фургоне. Уезжают.

Сердце стучит оглушительно, я с трудом перевожу дух. Я все еще не верю собственным глазам.

Я жду проявлений сочувствия от всех наших соседей. Мы такая сплоченная община, у нас много совместных праздников и дат, мы всегда помогаем друг другу. Я оглядываюсь по сторонам в ожидании. Люди смотрят, как Боб медленно приподнимается, садится, притягивает к себе детей, плачет. Никто не трогается с места. Мне хочется спросить, почему никто ничего не делает, но это же глупо, я ведь и сама ничего не делаю, не могу заставить себя пошевелиться. Потом Миллеры разворачиваются и уходят в дом, остальные следуют их примеру. У меня от изумления челюсть отваливается.

— Будьте прокляты! — кричит Боб. Сначала он кричит не очень громко, и мне кажется, будто он обращается к самому себе, потом громче, и я думаю, что он кричит вслед уехавшим фургонам, но он кричит все громче, с нарастающим гневом, и я понимаю наконец, что проклятие обращено к нам. За что?

— Никуда не ходите, — приказывает отец и снова обменивается с мамой понимающим взглядом. — Вернитесь все в дом. И спокойно, поняли?

Мама кивает, лицо ее вновь безмятежно, будто ничего и не произошло, маска надета, своевольная прядь волос вернулась на место, а я и не заметила, когда это она успела поправить прическу.

Оглянувшись на свой дом, я вижу Боско внутри у окна — руки скрещены на груди, наблюдает за разворачивающейся перед ним сценой. И тут я понимаю: свое проклятье Боб адресовал ему. Боско, глава Трибунала, — начальник тех людей, которые только что увели Ангелину.

Он может помочь ей, я знаю. Это его суд решает, кому носить Клеймо. Он сумеет ее спасти. Все будет хорошо. Все снова будет как всегда. Мир вернется к норме. Бессмысленный морок рассеется. Я убеждаю себя в этом, и мне становится легче дышать.

Отец заговаривает с Бобом, и тот перестает кричать, но плач его, голос разбитого сердца, не смолкает.

— Есть вопросы — спрашивайте. — Боско потянулся к бутылке и щедро наполнил свой бокал красным вином.

Он заставил нас всех вернуться за стол, хотя после того, чему мы только что стали свидетелями, кусок в горло не лезет. Отец так и остался с Бобом. Мама на кухне, сейчас внесет главное блюдо.

— Я не понимаю, — говорю я. — Ангелина Тиндер... обвинена...

— Угу, — добродушно отвечает он, голубые глаза сверкают, он следит за мной, словно наслаждаясь моей растерянностью.

— Но Ангелина, она...

Мама роняет на кухне тарелку, грохот бьющейся посуды сбивает меня с толку. Это предупреждение? Мама велит помолчать?

— У меня все в порядке! — чересчур жизнерадостно кричит она с кухни.

— Что ты собиралась сказать об Ангелине, Селестина? — Боско внимательно присматривается ко мне.

Я сглатываю. Хотела сказать, что она милая, она добрая, у нее маленькие дети, она замечательная мать и очень нужна детям, она ни разу при мне не сделала и не сказала ничего дурного. И она самый талантливый музыкант из всех, кого мне доводилось слышать, хотелось бы мне научиться играть на пианино так, как играет она. Но всего этого я не говорю, потому что Боско смотрит на меня и потому что мама обычно не роняет посуду. Вместо всего этого я выдавливаю из себя:

— Она моя учительница музыки.

Джунипер негодуяще прищелкивает языком.

На Арта я и смотреть не могу, сама собой возмущена.

Боско усмехается:

— Мы найдем тебе новую учительницу, Селестина! И хорошо, что напредила: надо бы запретить ей играть. Музыкальные инструменты — роскошь, на которую у Заклейменных нет права. — Он втыкает вилку в тарелку с закусками, откусывает изрядный кусок карпаччо. Все остальные даже к приборам не притронулись. — Надеюсь, больше ничему она тебя не учила? — вдруг спрашивает он, и в глазах его уже не играет улыбка.

— Ничему, — отвечаю я, нахмурившись, удивляясь, как он мог такое обо мне подумать. — В чем она провинилась?

— Плохо тебя учила, — дразнится Арт. — Послушать, как ты играешь, — сразу все ясно.

Эван хихикает, и я улыбаюсь Арту: хорошо, что он сумел разрядить обстановку.

— Не смешно, — тихо, но сердито говорит сидящая рядом со мной Джунипер.

Взгляд Боско тут же обращается к ней:

— Ты права, Джунипер. Это не смешно.

Джунипер отводит взгляд.

Снова сгущается напряжение.

— Не смешно, а курьезно, в смысле — странно, — уточняю я. Почему мне кажется, будто меня только что оглоушили пощечиной?

— Тиранотезаурус, — шипит Джунипер. Так она обзывается, когда я закапываюсь в определения.

Боско на меня и не обернулся, все так же сверлит взглядом мою сестру:

— Ангелина и тебе преподавала, Джунипер?

Джунипер отважно смотрит ему в глаза:

— Да. Лучший учитель в моей жизни.

Воцарилось молчание.

В столовую вошла мама. Идеально подгадала время.

— Должна сказать, я к Ангелине очень привязана. Я считала ее своей подругой. Я... я потрясена этим... событием.

— И я весьма удручен, Саммер. Поверь, мне больнее, чем всем вам: ведь произнести приговор — моя печальная обязанность.

— Но ведь не просто *произнести*? — негромко напоминает ему Джунипер. — Вы *выносите* приговор. Это *ваше* решение.

Меня пугает ее тон. Не самый подходящий момент для ораторских выступлений. И не надо допекать Боско, к такому человеку нужно относиться с уважением. Джунипер не выбирает выражения. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь позволял себе так разговаривать с Боско.

— Вы и не догадываетесь, каковы на самом деле некоторые люди, которые живут среди вас, кого вы называете друзьями. — Боско все так же глядит прямо в глаза Джунипер. — Что скрывают эти люди, с виду равные нам, такие же, как мы. Я сталкиваюсь с этим ежедневно.

— Что Ангелина сделала? — повторяю я вопрос.

— Скорее всего, вам известно, что Ангелина несколько месяцев назад выехала за рубеж, сопровождая свою мать: ее мать совершила эвтаназию, что в нашей стране запрещено законом.

— Но она поехала с матерью по ее просьбе — в другую страну, где это разрешено, — перечит Джунипер. — Это не преступление.

— И Трибунал рассматривает не предусмотренные законом преступления, а характер человека. Мы полагаем, что, приняв такое решение — выехав в другую страну, чтобы обойти запрет, — она обнаружила свой порок. Если бы органам власти было заранее известно ее намерение, они бы нашли способ ему воспрепятствовать.

Снова за столом молчание, пока мы пытаемся переварить услышанное. Я знала, что мать Ангелины много лет тяжело и безнадежно болела. Причины ее смерти я не знала, но на похоронах мы присутствовали всей семьей.

— Трибунал, разумеется, не принимает во внимание какие-либо религиозные убеждения, — продолжил Боско, видимо почувствовав, что не сумел нас убедить. — Мы всего лишь оцениваем характер человека. И, поскольку мы строго следуем государственному учению о святости жизни, позволив Ангелине Тиндер как ни в чем не бывало вернуться в страну после того, что она сделала, Трибунал узаконил бы такой выход из страдания и боли. Вопрос о том, в какой стране это было осуществлено и подпадает ли это под действие уголовного закона, к делу не относится. Мы должны разобраться в ее характере.

Джунипер вместо ответа фыркнула.

Да что с ней такое? Вот эту ее манеру я терпеть не могу. Все считают, будто мы с ней чуть ли не близнецы — пусть она на одиннадцать месяцев старше, внешне мы очень похожи. Но кто с нами близко знаком, того не проведешь: стоит Джунипер открыть рот, и она себя выдаст. В дедушку уродилась: никогда не может вовремя заткнуться.

— Тебе было известно, что Ангелина Тиндер спланировала поездку с целью убить свою

мать? — Боско подался вперед, локти на столе, в упор смотрит на Джунипер.

— Разумеется, она ничего не знала, — вмешалась мама шепотом, и я почувствовала, что с ее губ рвется крик.

Джунипер устала сидеть на своей так и нетронутой тарелке с закусками, и я мысленно приказала ей остановиться, сидеть тихо. Это не смешно и даже не курьезно. За этим столом сидят люди, которых я люблю, а сердце оглушительно бьется, как будто нам грозит какая-то беда.

— Ангелину заклеят? — спрашиваю я. Еще не отошла от шока: получается, среди моих знакомых будет Заклейменный, человек прямо с нашей улицы.

— Если в День Именования ее сочтут виновной, то да, она получит Клеймо, — ответил Боско и добавил, обращаясь к маме: — Постараюсь, чтобы об этой истории не прослышали газетчики — ради Боба, разумеется, — это будет нетрудно, поскольку журналисты только и пишут, что о Джимми Чайлде, до Заклейменной учительницы музыки никому и дела не будет.

Джимми Чайлд — знаменитый футболист, он десять лет изменял жене с ее родной сестрой, а теперь попался, и ему грозит Клеймо, а это для него катастрофа еще и потому, что он не сможет ездить на зарубежные матчи. Среди множества ограничений, которым подвергаются Заклейменные, есть и такое: у них отбирают паспорта.

— Конечно же Боб оценит такую заботу, — говорит мама. Так легко, так ровно говорит, что я понимаю: чувствует она себя очень неловко, и каждое слово ей самой кажется ходульным.

— Надеюсь, — кивает Боско. — Очень на это надеюсь.

— Куда ей поставят Клеймо? — Я не в силах отделаться от этой мысли и не понимаю, почему остальные не задают вопросов. То есть Джунипер-то задает, но это не столько вопросы, сколько обвинения.

— Селестина! — резко обрывает меня мама. — Вряд ли уместно обсуждать...

— На правую ладонь, — отвечает Боско.

— Обокрала общество? — уточняю я.

— Вот именно. И каждый раз, когда она протянет руку, чтобы поздороваться, все увидят, кто она есть.

— Если ее заклеят. Человек не виновен, пока не вынесен приговор, — отважно напоминает судье Джунипер.

Но мы все знаем: шансов у Ангелины Тиндер нет. Каждый, кто предстает перед Трибуналом, признается виновным: не будь он виновен, его бы и не арестовали. В отличие от Джунипер, я с правилами не спорю. Существуют определенные границы, в том числе моральные, Ангелина их переступила. Но я никак не могу смириться с мыслью, что среди моих знакомых будет женщина с Клеймом, что я сидела в ее доме, рядом с ней за пианино, и она касалась клавиш, а потом их касалась я. Мне хочется немедленно вымыть руки. Я пытаюсь припомнить последние наши разговоры или более ранние: не проявлялся ли какой-то изъян в ее характере? А как насчет ее дочери Колин? Смогу ли я, как прежде, болтать с ней в школе? Лучше, наверное, не стоит. Но и это решение не кажется правильным. Противоречия раздирают меня.

— Где Каттер? — вдруг сердито спрашивает Боско.

— С Бобом. Скоро вернется, — мягко и вежливо отвечает мама.

— Это не годится, — настаивает он. — Ему следует быть здесь.

— Конечно, он сейчас...

— Она ведь сможет играть на пианино? — ни с того ни с сего спрашивает Джунипер. —

Со шрамом на руке?

— Тебе ее жаль? — раздраженно уточняет Боско.

— Разумеется, ей не жаль, — вмешивается Арт. Рот у него набит, в больших, словно у взрослого мужчины, руках он сжимает нож и вилку и тычет ими во все стороны, как пещерный человек. Он говорит, размахивая руками, заплывывая едой стол: — Мы просто все поражены, врасплох захвачены, вот и все. Право же, папа, ты мог бы нас предупредить, сказать, что гостья, которую мы ждем к обеду, будет арестована. Когда заревели сирены, у бедняжки Селестины сделался такой вид, словно за ней вот-вот санитары из дурки приедут, — конечно, где ж ее еще и держать, если не в дурке, мы-то с тобой это понимаем, но ей об этом знать не обязательно.

Он говорит так легко, так свободно и разумно, что Боско наконец соображает, где находится: в гостях у соседа, а не на заседании Трибунала.

— Разумеется, — кивает он, на миг смуглившись, затем оглядывается на Эвана, который что-то совсем притих. Он протягивает руку и ласково похлопывает меня по руке. — Прости, дорогая Селестина, я вовсе не хотел напугать тебя. Давай начнем с чистого листа, договорились? — Он поднял бокал и с лучезарной улыбкой провозгласил тост: — С Днем Земли!

Я дождалась, чтобы дом затих к ночи, чтобы и в спальне родителей смолкло негромкое бормотание — сегодня, после этих событий, разговор длился намного дольше обычного. Затем я отправилась на вершину, где мы с Артом встречались почти каждую ночь на протяжении последних трех месяцев.

В эти месяцы я проводила с Креванами больше времени, чем с собственной семьей, и рада была бы остаться у них насовсем. Мне казалось, в эту семью я лучше вписываюсь, все у них так логично и разумно. Я всегда верила в правоту Трибунала. Я безусловно поддерживала Боско. Мне нравилось, как он за обедом пересказывал подробности судебных разбирательств, как он уличил члена благотворительного фонда, который вздумал обеспечить себе «золотой парашют», как разоблачил звезду, которая нажила миллионы на продаже дисков со своей волшебной гимнастикой, а сама тайком сделала подтяжку живота. Каждый день у него находились занятные истории из зала суда, и я садилась и слушала их одну за другой. Я хорошо понимала, что он делает: предотвращает обман и мошенничество, спасая граждан. Я-то различаю добро и зло. Я знаю правила. Но вот наступил день, когда эти правила, за которые я всегда ратовала, расплываются у меня перед глазами, потому что это происходит прямо у порога моего дома. Буквально.

11 часов вечера. Вершина горы нависает над сонной столицей. Мы живем в долине, окруженной со всех сторон горами. Там, на вершине, господствующий над городом замок Хайленд-касл, подсвеченный мощными красными прожекторами, у него почти угрожающий вид, как будто оттуда следят за каждым нашим движением. Он был построен примерно в 1100 году нашей эры, там жили короли, Хайленд-касл — настоящая крепость. Самая высокая круглая башня в мире, ее зоркое око видит и вдаль и вблизи. После многих веков войн, вторжений, резни теперь там проводятся правительственные съезды и официальные обеды, экскурсии по памятнику архитектуры и музею древностей, и там же заседает Трибунал. Мы устроились на вершине напротив горы, слева и справа от нас горизонт загораживают ветряные мельницы. Налево, точками в ночи, другие города, одна точка за другой, бесконечно, замок бдительно присматривает за всеми, а направо тянется сельская и промышленная местность, где-то там поселился мой дед. Хамминг — самый большой город Хайленда, столица, знаменитая и своей красотой, и славной историей. Туристы стекаются к нам из самых разных стран, чтобы полюбоваться мостами и сказочными дворцами и замками, мощными улочками, богато украшенными площадями. По большей части здешние здания устояли перед яростными разрушениями XX века на радость любителям романской архитектуры, готики и Возрождения. Хамминг-бридж, шириной десять метров и длиной шестьсот, — один из самых знаменитых в мире мостов, он был построен в XIV веке. Он ведет за реку, к замку Хайленд. Он и ночью прекрасен, подсвечены все шесть арок моста, три его башни, статуи наших героев, которые стоят на мосту с обеих сторон, словно стерегут его.

Мне нравится путешествовать на каникулах, но после школы я останусь жить здесь. Мы с Артом уже договорились, мы будем учиться в столичном университете, я выберу математику, он — физику и химию, все давно решено. Джунипер мечтает уехать, как только закончит школу, зимой она собирается работать инструктором по горным лыжам в Швейцарии, летом — спасателем на пляжах Португалии, что-то в этом роде.

Арт говорит, ему нравится сидеть на вершине, потому что отсюда «открывается

перспектива». Тяжелый у него выдался год, его мама умерла, и это место, как мне кажется, помогает ему оторваться от земных горестей, он смотрит на них словно с высоты, издалека, и горе его понемногу приглушается, да и время лечит. А для меня вершина — то место, где мы с Артом вдвоем, против всего мира. Там, у подножия, миллион человек спят крепким сном, а мы с Артом тут вместе, и союз наш крепнет с каждым днем. Я чувствую себя непобедимой. Я чувствую себя как этот замок, который бдит над всеми, — недосыгаемой, неприкосновенной.

Это лишь в последние полгода у меня появились такие чувства к Арту. Дружили мы с двенадцати лет, вместе пришли в среднюю школу, и в первый же день нас посадили за одну парту. Мы тусовались в одной компании, он с мальчиками, я с девочками, но все время рядом. И никогда не оставались только вдвоем, хотя и жили по соседству, через дорогу. Лишь год назад, когда его мама умерла, Арт вдруг стал приглашать меня на свидания, и ему было все равно, что об этом подумают ребята. Мы забирались сюда и разговаривали, он оплакивал мать и постепенно смирялся с утратой — на его глазах мать медленно погибала от рака. А когда скорбь понемногу отступила, она перестала быть главной причиной наших встреч, и они превратились во что-то совсем другое.

Тогда со мной стало происходить что-то странное. Шорох крыльев, будто налетала стая бабочек, всякий раз, как я видела его, и глупая улыбка на лице, стоило хотя бы подумать о нем, и пузырьки в животе, и разряд тока, когда его кожа соприкасалась с моей. Вдруг все стало страшно важно: что я надену, что скажу, как я выгляжу. Первой эту перемену во мне заметила конечно же Джунипер, которая изо дня в день наблюдала, как я тревожно изучаю свое отражение в зеркале, прежде чем выскочить из дома. Заметил это и Арт, а когда я на минутку перестала нервничать из-за того, что происходит со мной, я смогла разглядеть, что это происходит и с ним. И вот мы уже три месяца вместе.

Добравшись до вершины, я разглядела его подсвеченную луной фигуру, и гнев во мне поутих. Арт умеет делать это со мной. Я просто в мягкое желе превращаюсь. Всегда приходит заранее, всегда ждет меня, сидя на одеяле, с таким сосредоточенным лицом — вглядывается в сонный город под горой. Идеальная картина. Я часто повторяю слово «идеал» и когда говорю о самом Арте, и описывая любую проведенную с ним вместе минуту.

— Привет, ранний червячок, — говорю я.

Он поднял голову, печаль у него на лице сменилась улыбкой. И, кажется, облегчением.

— Привет, мышка. Пришла за сыром? Я его уже съел.

— Сыр и черви. — Я усаживаюсь рядом с ним на одеяло. — Ням-ням.

Мы поцеловались.

— Вот это я понимаю, ням-ням, — бормочет он, притягивая меня ближе. Второй поцелуй — дольше, сколько хватает сил.

Что-то в Арте сегодня непривычное. Я это чувствую. Потихоньку отодвигаюсь и всматриваюсь в его лицо, его глаза.

— Давай договоримся не обсуждать, что произошло сегодня?

— Неплохая идея! — вздыхаю я. — У меня даже от мыслей об этом голова трещит.

Он целует меня в лоб и не спешит оторвать от него губы. Мы молчим, погрузившись в раздумья, и видится и слышится нам одно: как Ангелину Тиндер тащат прочь из дома. Напряженного молчания нам не вынести: вскоре Арт выпрямился и заговорил:

— Сегодня мой отец... — И он прервался, уставился на крыши домов и трубы, и я вижу, как он переживает из-за того, что сегодня произошло. С тех пор как его мать умерла, я все

время стараюсь защитить Арта, чтобы он не печалился. И хотя сама я не до конца разобралась в том, что случилось, я должна вернуть Арту покой и ясность.

— Слушай, Джунипер не следовало так разговаривать с ним, но ты же знаешь, какая она. Ей бы научиться держать рот на замке. Вылитый наш дедушка!

— Джунипер всего лишь сказала то, что думала, — к моему изумлению, возражает он.

— Не следует говорить такое судье.

Он печально улыбнулся:

— Для тебя, Селестина, не существует ничего, кроме черного и белого. Мы же соседи, мы праздновали День Земли у вас в столовой, а не стояли перед Трибуналом. И он ведь знал, что за Ангелиной сегодня приедут, — неужели не мог предупредить хотя бы ее, если не нас? Они дружили. Можно же было дать ей возможность подготовиться, а не тащить вот так, на глазах у семьи, у маленьких детей...

Странно слышать такое от него. Арт никогда не критиковал отца. Они — закадычные друзья, сплоченная команда, двое на всем белом свете, — теперь, когда мама умерла, у обоих нет никого ближе. Пережили страшное горе вместе, и это их сплотило, — во всяком случае, так мне это виделось. И я понимаю, что Арт точно так же растерян и возмущен, как я.

— Он действовал по правилам, — говорю я, но знаю, что этого объяснения недостаточно. Недостаточно, однако это чистая правда. — С Ангелиной случилась ужасная беда, но твоего отца в этом нельзя винить.

— Нельзя? — с горечью переспрашивает он.

— Это его *работа*. Почти каждый день где-нибудь в стране уличают порочных. Твой отец трудится изо всех сил, чтобы сохранить идеалы нашей страны. Что же будет, если он вздумает закрыть глаза на чьи-то проступки? — Я перескакиваю с мысли на мысль, торопясь высказать то, что меня гложет. — Сам подумай. Судья Креван предстанет перед Трибуналом и будет заклеен за то, что по дружбе кого-то не заклеил?

Арт уставился на меня:

— С такой точки зрения я никогда об этом не думал.

— А надо бы. Ведь это твой отец. И он могущественный человек. Многие им восхищаются, даже преклоняются перед ним. Тебе, конечно, порой нелегко с таким отцом, но он любит тебя. К тому же он тебя создал — наполовину, а значит, он просто гений!

Арт улыбнулся, обхватил мое лицо ладонями, скорчил рожу:

— Избавь меня от необходимости представлять себе, как он меня создавал, уж будь так добра!

— Ты очень вульгарен! — смеюсь я.

— А ты видишь только черное и белое.

— Во всем, — улыбаюсь я, но улыбка дрожит, я не так уверена в своем мнении, как обычно. Арта я вроде бы убедила, но убедила ли себя?

Арт откашлялся:

— Я хотел подождать до твоего дня рождения, но после сегодняшнего... думаю, сегодня ты вполне это заслужила.

Он подsunул под меня левую ногу и, подтянув меня к себе, зажал между бедрами. Неуверенность тут же слетела с меня: все правильно, я там, где и хочу быть.

— Заказал к твоему восемнадцатилетию, но решил отдать тебе прямо сейчас, чтобы ты знала: что бы ни творилось в мире, ты единственная. Весь мой смысл и свет. Ты прекрасна! — Он провел пальцем по моей щеке, по носу, по губам. — Ты умная, ты верный

друг. — Он протянул мне маленькую, обтянутую бархатом коробочку.

Руки у меня слегка задрожали: он застал меня врасплох. Открыв коробочку, я вынула изящную серебряную цепочку, очень тонкую, не порвать бы. На ней висел брелок — символ.

— Ты — идеал! — шепнул мне Арт, и я почувствовала, как мурашки бегут по телу.

Я всматривалась в это украшение, почти не веря своим глазам.

— Я заказал это одному искуснику из Хайленд-касла. Ты ведь знаешь, что это значит?

Я кивнула:

— Круги — символ совершенства. Все радиусы равны, между ними нет ни малейшего различия. Это гармония. Геометрическая гармония.

— Совершенство, — нежно повторил он. — За математикой трудно угнаться, сама понимаешь. — Он усмехнулся. — Долго пришлось вникать, мозги до сих пор не отошли.

Я засмеялась, а на глазах выступили слезы.

— Спасибо, — шепнула я ему. Хотела надеть тоненький браслет на запястье, но Арт меня остановил.

— Нет, вот сюда. — Он вынул украшение из моих дрожащих рук, бережно взял меня за лодыжку. Отодвинулся, потянул мою ногу на себя, медленно закатал джинсы, теплые пальцы приятно щекотали кожу. Он обвил цепочкой мою лодыжку и снова подался вперед, все ближе и ближе, между моих ног, так, чтобы мои ноги сомкнулись у него на спине.

Пальцем он вздернул мой подбородок, и мы оказались носом к носу, разделенные только лунным светом. Арт наклонил голову и поцеловал меня — нежно, настойчиво, неукротимо. Губы его сочны, язык — сама сладость. Я глубоко запустила пальцы ему в волосы и растворилась в нем, в этой ночи.

Когда я вспоминаю ту минуту, сердце вновь взмывает, как тогда, и все вокруг становится магическим, мистическим, музыкальным — даже поверить трудно. Я могла бы растянуть этот миг на целую вечность: наши губы слились, наши тела все теснее прижимаются друг к другу, нам нужно больше, все больше, и будущее распахнуто перед нами, безбрежное, как этот вид с горы, ясное, как эта луна. Только мы двое на вершине уснувшего мира — непобедимые, неприкосновенные для горя.

Самый идеальный момент в моей жизни.

Последний идеальный момент в моей жизни.

Проснувшись, я первым делом высунула ногу из-под одеяла: браслет на месте, это не сон, не порождение фантазии, которое рассеется, едва я проснусь. Я снова увернулась в одеяло, чтобы еще раз мысленно пережить события ночи, но тут же сообразила, что, оттягивая наступление утра, откладываю и встречу с Артом: он же будет, как обычно, ждать меня на остановке, откуда мы вместе поедем на автобусе в школу.

Хотя я была счастлива, спалось мне плохо, все еще преследовала та сцена, когда уводили Ангелину Тиндер. Меня даже покачнуло, когда я одевалась. Что-то и внутри меня пошатнулось, стронулось с места. Дрогнуло чувство защищенности и доверие — к кому? Не к Арту, ему я верю больше чем прежде. Как ни странно, кажется, я стала меньше доверять самой себе.

Я никогда не задумываюсь, как одеться. Не то что Джунипер — слышно, как она ворчит и вздыхает, раздраженно стаскивая через голову очередной прикид, вечно недовольная тем, как она выглядит. Встает на полчаса раньше только ради того, чтобы нарядиться, и каждое утро в итоге едва успевает выскочить из дома.

Со стороны мы с Джунипер выглядим почти копиями друг друга, а по-моему, мы уж до того разные. Кто не знает нас ближе, не знает наши характеры, тому нас трудно различить. Отпрыски чернокожего отца и белой матери, мы унаследовали от папы цвет кожи и карие глаза, форму носа и оттенок волос. От мамы унаследовали высокие скулы, длинные ноги и руки. Она хотела и нас тоже вовлечь в модельный бизнес, несколько раз и Джунипер и я снимались, но мы обе для такой работы не годимся: я — потому что принимать позы перед камерой не дает интеллектуального стимула, Джунипер — потому что под чужими взглядами она становится еще более неуклюжей, чем обычно.

Я надела кремовое льняное платье, нежно-розовый кардиган из тонкой шерсти и римские сандалии с золотыми ремешками, которые высоко обхватывают ногу. На улице уже тепло, и я люблю пастельные тона. Мама всем нам покупает одежду таких оттенков, она считает, когда члены семьи одеваются похоже, это их сближает. Некоторые даже нанимают стилистов, чтобы согласовать не только наряды, но и в целом облик семьи. Никому не хочется выглядеть наособицу, хотя Джунипер порой предпочитает одеться на свой лад, выбиваясь из семейной палитры. Мы не спорим — если кому от этого плохо, то лишь ей самой, хотя мама и огорчается, что в итоге семья выглядит негармонично, — по-моему, если кто и выглядит негармонично, то лишь Джунипер.

Я спустилась в столовую раньше нее, как обычно. Эван уже за столом, завтракает. На нем кремовые льняные брюки и светло-розовая футболка, и я счастлива, что мы с ним так похоже оделись — правильное начало дня.

Мама замерла перед телевизором.

— Смотрите, что мне вчера подарили, — почти пою я.

Никто не оборачивается.

— Йю-ху! — Я кручу в воздухе ногой, грациозная, словно балерина.

Эван наконец оглядывается на меня, видит лодыжку, которую я чуть ли не в лицо ему тычу.

— Ну, браслет, — со скукой в голосе произносит он.

— Не просто браслет. Это особый браслет, Эван — ножной. Анклет.

— На здоровье, Тиранотезаурус! — И он снова уткнулся в телевизор.

— Арт подарил! — еще громче распеваю я, пропархивая мимо мамы с папой к холодильнику за молоком.

— Дивно, дорогая, — отвечает мама механически, будто ничего и не слышала.

Я остановилась, вытаращилась на нее. Она полностью поглощена происходящим в телевизоре. Наконец и я присматриваюсь: News-24, Пиа Ванг ведет прямой эфир из Хайленд-касла. Пиа Ванг — корреспондентка, аккредитованная при Трибунале, она со всеми подробностями освещает каждый процесс, рассказывает все детали биографии Заклейменных и об их характере — и на суде, и потом. Ничего хорошего о них не говорит, само собой, отлично умеет закопать и сверху песочком присыпать, хотя надо отдать ей должное — она ведь рассказывает о Заклейменных, о тех, кто принял неверное решение, — и это правильно, что она не пытается наводить на эти истории глянец.

Я выглядываю в окно. Папиной машины уже нет. Наверное, его вызвали пораньше: готовить сюжет к эфиру. Так часто бывает.

— Этот случай привлек особое внимание, — говорит Пиа, лицо у нее — само совершенство, персиковый румянец на щеках. И одежда персикового цвета, свежа и аппетитна, идеальная фарфоровая куколка. Черные, словно лакированные волосы окаймляют маленькое невинное личико. Она идеальна. — Привлек внимание даже за рубежом. Видите, сколько людей собралось перед Трибуналом у замка Хайленд, чтобы поддержать своего любимого футболиста — Джимми Чайлда, лучшего форварда «Хамминг-сити», героя, столько раз приводившего нас к победе. И ныне он вновь торжествует, он вышел только что из замка, оправданный судьей Крewanом и его помощниками: он *не* будет Заклейненным. Повторяю потрясающую новость для тех, кто присоединился к нам только что: Джимми Чайлд *не* приговорен к Клейму.

У меня челюсть отвисла.

— Что? Разве такое бывало раньше хоть раз?

Мама наконец оторвала взгляд от телевизора.

— Не знаю. Не могу припомнить. Ну, может быть, однажды, — неуверенно сказала она.

— Неудивительно, если учесть, что Крewanу принадлежат акции футбольной команды, — выстрелила вдруг Джунипер у меня из-за спины, и я обернулась.

Мама тоже обернулась. Лицо встревоженное.

— Джунипер! — только и сказала она.

— Дэймон Крewan владеет пятьдесят пятью процентами акций «Хамминг-сити», но это, разумеется, всего лишь совпадение. А мне так кажется, сегодня судили не этого гада, а его жену, — заявила Джунипер. — А ему как с гуся вода.

Никто не спорит. Лицо гламурной супруги Джимми Чайлда несколько недель подряд смотрело на нас со страниц всех газет. Каждая подробность ее жизни, каждая клеточка ее тела были выставлены напоказ, обсуждались на сплетнических сайтах и даже в новостях.

— Отправляйтесь в школу, — предостерегающим тоном говорит мама. — И хватит болтать, а то как бы и за вами не пришли, юная леди. — Она понарошку дергает Джунипер за нос.

Почти предугадала.

Выйдя во двор, я первым делом увидела Колин возле семейной машины. Дверь их дома была открыта, она, видимо, кого-то ждала. Я сообразила, что Колин не пойдет в школу, а,

наверное, поедет в Трибунал, на суд. Сердце затрепетало, я пыталась сообразить, как же себя вести. Окликнуть ее? Наживу неприятности. Кто-нибудь в окно увидит, как я с ней общаюсь, и что, если на меня донесут? Или Боско увидит меня в окно своего огромного особняка или когда выйдет, отправляясь на работу? Сказать Колин «привет» — это будет выглядеть так, словно я нелояльна Трибуналу, перешла на сторону Колин и ее мамы. Не будет ли это считаться помощью Заклейменным? За это тоже судят. Но если пройду молча, это будет невежливо, и, в конце концов, Клеймо ведь только на ее матери, а не на самой Колин. Она повернула ко мне голову — и я не выдержала, я поспешно отвела взгляд.

За спиной я слышу, как Джунипер говорит Колин: «Хорошего дня!» — и меня раздражает, как естественно она это сказала, а потом нацепила наушники и отключилась.

Зато Арт уже стоит на остановке, и выглядит он прекрасно, как всегда. Добегаю и с разбегу напрыгиваю на него:

— Птичка!

— Мышка!

Он поцеловал меня, а я заторопилась рассказать новости:

— Ты уже слышал про Джимми Чайлда? — Я думала, Арт будет счастлив. Джимми Чайлд — его герой, еще год назад у Арта вся комната была обклеена постерами с его портретом. Как у большинства мальчишек. Во время процесса Арту представилась возможность встретиться с Джимми, хотя короткий обмен приветствиями в камере перед судом совсем не то, о чем он мечтал в детстве. И говорить об этом Арт со мной не хотел.

— Ага, — ответил он. — Папа сегодня умчался на рассвете, хотел как можно скорее вынести вердикт, чтобы успеть к утренним новостям.

Я опять думаю, что надо было поздороваться с Колин, ведь Боско, значит, не было дома и он бы не увидел, да и велика ли беда, если просто сказать человеку «привет»? Я сержусь сама на себя.

— Прямо слышу, как скворчат твои мозги. Все хорошо? — Он ткнул костяшками пальцев в мой сморщенный лоб и попытался его разгладить.

— Да! — рассмеялась я. — Просто задумалась. Не знала, что вердикты выносят и потихоньку. Думала, Именование всегда происходит публично. Не люблю тайны.

— А как насчет нашей с тобой тайны? — говорит Арт и запускает руку в вырез моего платья.

Я со смехом останавливаю его руку, меня опять что-то беспокоит. Оглянувшись на Джунипер, я убеждаюсь, что она включила музыку на полную громкость, каждое слово слышно.

Но на всякий случай я понижаю голос:

— Как ты думаешь, жену Джимми Чайлда — ее тоже судили?

— Серену Чайлд? — недоуменно переспрашивает он.

— Ну да. Если подумать, — ведь я думала об этом с той самой минуты, как Джунипер сказала это вслух, и по пути к автобусу на подгибающихся ногах, что-то они меня сегодня плохо слушаются, — все время говорили не о нем, не о его поступках, но какая она противная, и какая лицемерка, и какая она *женщина*, как же такой не изменить?

Арт расхохотался:

— По-моему, Пиа не совсем так говорила. — Он ласково улыбается мне. — «Прямой эфир. — Он в точности изображает Пиа. — Серена Чайлд — настоящая женщина. Как же такой не изменить?»

Я тоже смеюсь, понимая, как глупо прозвучали мои слова, но тут же снова становлюсь серьезной, потому что мне важно, чтобы он меня понял.

— Нет, но то, как они обсуждали ее внешность. Подтяжки. Наряды. Ее прошлое. Ее целлюлит. Целовалась с девушкой — и что теперь? И загар у нее-де слишком оранжевый. В пятнадцать лет страдала анорексией. Училась в одном классе с парнем, который спустя много лет ограбил банк. Никогда не готовила дома. Ему приходилось обедать в столовой. Мы только и слышали что о ней. Как будто к Клейму должны были приговорить ее, а не его.

Арт снова рассмеялся, наслаждаясь чепухой, которую я несую, может быть, еще и потому, что мне это вовсе не свойственно:

— Ну так почему же судили ее, а не его?

— Чтобы спасти его от приговора. Теперь все говорят: она скверная жена, чем же он виноват? Звездный игрок оказался неприкосновенным.

Улыбка мгновенно исчезает с губ Арта, он смотрит на меня так, словно видит впервые в жизни.

— Селестина, будь осторожнее!

Я передернула плечами, будто вовсе об этом не забочусь, но сердце так и бухает оттого, что я позволила себе это сказать.

Это все Джунипер. Я и так не очень понимала, что происходит, а ее слова застряли у меня в голове, и я все прикидываю, не была ли она права. Я думаю об этом всю дорогу, пока мы едем в автобусе, молча — ни Арт ничего не говорит, ни я. Я думаю о Колин, которая едет на суд над своей мамой, о ее маме, которая получит Клеймо за то, что поехала в другую страну, выполняя волю своей страдающей матери. Неужели это действительно заслуживает Клейма? К таким мыслям я пока не готова. Но я привыкла делиться каждой мыслью с Артом, конечно же я могу признаться и в этой, он поможет распутать их сбившийся клубок.

Арт берет меня за руку, и я чувствую себя в безопасности.

— Как по-твоему, Ангелина поступила плохо? — тихо спрашиваю я.

Он молча смотрит на меня.

— Я все время думаю об этом. Всю ночь думала. Мне кажется, это *не так* плохо. Если ее мама сама этого хотела, правда? Бывают ведь и хуже проступки...

— Конечно, бывают и хуже.

— Но хотя бывают и хуже, Клеймо всем ставят одинаковое?

— Она получит только одно. На правой руке. А некоторым ставят два.

Он не продумал это как следует. Я вижу, он не продумал. Я ведь знаю Арта. Он отвечает чересчур поспешно. Обороняется, хотя я вовсе не нападаю. Вот что происходит, когда речь заходит о Заклейменных: у каждого имеются собственные твердые убеждения, это слишком личное. И для Арта в особенности, потому что его отец — верховный судья, а дед был основателем Трибунала. Я всегда почитала их. И сейчас почитаю. Ведь так?

В автобусе, устроившись на обычном месте, я стала присматриваться к Заклейменной женщине, которая сидела на предназначенном для таких людей сиденье. Для Заклейменных в автобусе отводится два сиденья, потому что по правилам Заклейменные не могут собираться вместе более чем по двое. Это правило введено для предотвращения беспорядков, которые вспыхнули, когда Трибунал еще только был создан. Но сейчас я впервые задумываюсь, почему бы не добавить еще два сиденья на задней площадке или еще где-то в стороне от первых двух. Чередовать сиденья для нормальных людей и те, на которых можно садиться людям с Клеймом. Им так часто приходится стоять, хотя автобус заполнен лишь

наполовину, и раньше меня это не смущало в моральном плане — смущало лишь тогда, когда нужно было выходить и приходилось протискиваться между ними: голову даю на отсечение, некоторые из них умышленно не отодвигались и вынуждали меня соприкоснуться с их Заклейменными телами, чтобы пробраться к дверям. Передние места для Заклейменных обтянуты ярко-красным кожзамом и развернуты лицом ко всему автобусу, так что все пассажиры видят этих Заклейменных. Когда я была маленькой, мне было не по себе оттого, что приходится всю дорогу смотреть на них, а потом я привыкла и теперь уже их не замечаю.

Я смотрю на Заклейменную женщину, которая сидит одиноко на своем сиденье, повязка цвета крови со знаком, уличающим, кто она есть.

Я вижу тот же символ у нее на виске и думаю, какое же неверное решение она приняла, за что так поплатилась. Шрам на виске явно старый: свежее Клеймо еще пылает ярко-красным, и на нем подживает корочка. Эту женщину заклеямили уже довольно давно, и я думаю, что это значит: стала ли она еще более порочной, становятся ли порочные с годами еще хуже, или же Клеймо, признание порока, прижигает его и препятствует росту и распространению. Она пишет эсэмэску, а потом кладет телефон на колени, и я успеваю увидеть на заставке лица ее детей. Впервые в жизни я задумываюсь, каково Заклейменным жить в одном мире со всеми людьми, вместе с любимыми и близкими, но по особым правилам. Раньше меня этот вопрос не тревожил. Ангелина и ее дети: Ангелине запретят многие профессии, ограничат передвижение, установят комендантский час. Ей же придется ложиться спать раньше, чем детям! Как она сможет их воспитывать, живя по другим правилам? А что делает Заклейменная мать, если младенец проголодается посреди ночи? Что будет, если Тиндеры захотят отдохнуть за границей — Ангелина останется дома? Колин вырастет и найдет работу в другой стране, а ее мама не сможет приехать к ней. Никогда. Почему я раньше обо всем этом не задумывалась?

Потому что меня это не беспокоило, вот почему. Потому что я всегда рассуждала так: эти люди поступали дурно и заслужили наказание. Пусть они и не совершили уголовного преступления, однако недалеко были от того, чтобы угодить за решетку. Но если Ангелина, которая, я же знала, мухи не обидит, запросто превращается в Заклейменную, то, быть может, и эта женщина на переднем сиденье не так ужасна. Я никогда не общалась ни с кем из них — не то чтобы это нам запрещалось, но я представления не имела, как с ними говорить. Осторожно обходила, если такой человек оказывался рядом. Избегала встречаться взглядом, держалась так, будто их вовсе не существует. В супермаркете они делают покупки в особом отделе, а я его обходила стороной: они там набирают овсяные хлопья, каши, что еще входит в их элементарное питание для удовлетворения элементарных потребностей. Жизнь, полностью лишенная удовольствий, — постоянное наказание. Раньше я не думала, что это так уж плохо, не в тюрьме ведь сидят, но я и не пыталась вообразить, каково это — жить по правилам, которые твой муж не обязан соблюдать. И дети не должны. И все нормальные люди не должны. К тому же Заклейменным нельзя общаться друг с другом. Только один на один, и то на каждых двух Заклейменных должен присутствовать один нормальный. Я представила себе свадьбу Заклейменной, ее день рождения — и содрогнулась. О чем они вообще разговаривают между собой? Рассказывают друг другу, кто в чем провинился? Демонстрируют Клейма и хвалятся своей испорченностью? Или стыдятся, как им и следует?

Губы Арта скользят по мочке моего уха.

— Хватит думать, голова треснет, — шепчет он. От его жаркого дыхания волосы на

затылке у меня встают дыбом, и я бы рада перестать думать, правда, но никак не получается. Впервые Арту не удастся полностью завладеть моим вниманием. Эти мысли, эта минута целиком меня поглотили.

Автобус остановился, вошла старуха на костылях. Водитель помог ей и проводил к местам для Заклейменных: здесь больше места для ног, они отодвинуты от всего ряда так, чтобы мы с ними не соприкасались. Старуха села возле Заклейменной женщины, и та ей улыбнулась.

Старуха глянула на нее с таким отвращением, что мне сделалась неловко — за ту, Заклейменную. Она отвернулась, в глазах ее боль. Почувствовала, что я гляжу на нее, и мы встретились взглядами — на микроскопический миг, прежде чем я отвела глаза, сердце застучало. Я вступила в контакт с Заклейменной. Хоть бы никто не заметил. Хоть бы не подумали, будто я ее пожалела.

— Да что с тобой сегодня? — спрашивает Арт, слегка озадаченный, слегка встревоженный.

— Ничего, — отвечаю я и спешу сменить тему: — Все у меня идеально, как всегда.

Он улыбается, потирает мою ладонь большим пальцем, и я таю.

Джунипер сидит через проход, всем телом прижалась к окну, как можно дальше от меня, от Арта, от любого пассажира этого автобуса.

Давно ли у нас с Джунипер не заладилось? Если верить фотографиям и рассказам родных, в детстве мы были не разлей вода. Старшая сестра — неполным годом всего старше, но ей нравилось возиться со мной, она охотно превращалась в мою покровительницу. А потом мы перешли в среднюю школу, и все изменилось. Мы учились в разных классах, впервые у каждой появились свои друзья, и мы отдалились друг от друга. Я в школе блистала, я обожаю получать знания, мне всегда мало, я глотаю книги, смотрю документальное кино, всем предметам предпочитаю математику и, как закончу в этом году школу, буду, надеюсь, изучать математику в университете. Моя главная цель в жизни — получить медаль Филдса, международную награду за выдающееся математическое открытие, это величайшая честь, какой может удостоиться математик, все равно что Нобелевская премия. Ее присуждают только молодым ученым, до сорока лет. Мне семнадцать. Времени достаточно. Судя по промежуточным тестам, в университет я пройду с легкостью. Джунипер не склонна к зависти, но оценки стали первым, что нас разделило.

У меня были идеальные оценки, им радовалась вся семья. А ее — нет. Не то чтобы плохие, нет, но и не идеальные. И все хотели, чтобы Джунипер училась лучше, чтобы она стала лучше. Я понимала, какому она подвергается давлению, и мне следовало бы ей помочь, а вместо этого она в итоге на меня же и затаила обиду.

Она считает меня всезнайкой. Она мне сто раз это говорила, и я стараюсь хотя бы при ней лишний раз это не демонстрировать, но что я могу поделать, если меня так и тянет поправить грамматическую ошибку или напомнить определение из словаря. Я при этом вовсе не хочу показать свое превосходство, просто я так устроена и не могу иначе. Я пыталась задавать Джунипер вопросы о том о сем, притворялась, будто не знаю то, что прекрасно знаю, но это она сочла оскорбительным, и она права, но как мне еще поступать? Я стремлюсь к идеалу, и в этот идеал входят замечательные отношения с сестрой, как в кино, как в книгах, как во всех этих сюжетах, где у сестер самая нежная любовь, самые близкие отношения на всю жизнь.

У Джунипер дислексия. Она считает это еще одним изъяном, еще одной

несправедливостью мира, но я же вижу, что это помогает ей воспринимать все по-другому. Я привыкла решать задачи, я однозначно воспринимаю буквы и цифры, вникаю в изложенные доказательства и прихожу к верному выводу. Джунипер умнее и глубже. Она читает другое и по-другому. Она людей считывает. Не знаю, как ей удастся, но она присматривается, прислушивается и приходит к таким заключениям, какие и я вообразить бы не могла, и обычно угадывает верно. Я смотрю на все прямо, а ее взгляд словно огибает людей и предметы, искривляется, кружит, переворачивает все вверх дном и находит ответ. Я никогда не делилась с Джунипер этими своими мыслями о ней, я думаю их про себя, иначе она опять оскорбится, что я, мол, пытаюсь быть снисходительной, а ведь на самом деле я немного ей в этом и завидую.

Теперь мне вспомнилось, как мама сказала, что, может быть, Джимми Чайлд и не первый, кого Трибунал оправдал.

— Ты не слыхал, бывали еще люди, которые предстали перед Трибуналом, но не были осуждены? — шепнула я Арту.

Он повернулся ко мне, но руку мою выпустил. Сердится, что я никак с этой темы не слезу.

— Нет, ничего об этом не знаю.

— Наверное, были и другие, признанные невиновными. Твой папа никогда ничего не говорил?

— Черт побери, Селестина, да хватит уже!

— Я всего лишь спросила.

— Нечего спрашивать!

— Разве нечего?

— По крайней мере, тут не место, — говорит он, тревожно оглядываясь по сторонам.

Я смолкаю. Гляжу прямо перед собой на Заклейменную женщину — она встала и собирается выходить. Вышла, и в автобус вошла довольно крупная женщина средних лет. Она поздоровалась с той, на костылях, уселась возле нее, и они принялись болтать.

На следующей остановке в автобус вошел старик. Я чуть было не окликнула его — так похож на моего деду, вылитый он, но откуда здесь взяться деду, он ведь живет в деревне, в нескольких часах езды от города. А потом я увидела повязку с бросающейся в глаза «П» и содрогнулась, рассердилась на саму себя: как я могла принять такого человека за кого-то, мне близкого.

И снова рассердилась на себя: что за предрассудки! Мне же не понравилось, как старуха на костылях дернулась, когда Заклейменная попыталась ей улыбнуться, а сама я разделяю те же взгляды и даже не отдаю себе в этом отчета.

Этому старику сильно за семьдесят, а то и за восемьдесят, не могу точно определить. Старый, но в безупречном костюме, ботинки начищены, словно он спешит на работу. Со своего места я не могу разглядеть Клеймо — впрочем, оно может быть на груди, на стопе или языке, тогда его и не видно. Выглядит старик очень почтенно, и я все внимательнее присматриваюсь к нему, сбита с толку. Я привыкла считать Заклейменных не такими, как мы, и только сейчас сама себе в этом призналась. Сесть старику негде: оба места для Заклейменных заняты этими женщинами, которые сами-то без Клейма, но с головой ушли в свою болтовню и нового пассажира не замечают. Он стоит рядом с ними, ухватился за поручень, старается держаться прямо.

Хоть бы они поскорее увидели. Он, похоже, так долго не простоит.

Минуты проходят. Он все стоит. Я оглядываюсь по сторонам. С десятков свободных сидений, но там ему сидеть не разрешено. Я — человек рациональный, и это все кажется мне алогичным.

Я оглядываюсь на Джунипер: она сняла наушники, выпрямилась, лицо напряженное, тоже присматривается к этой ситуации. Джунипер всегда была намного эмоциональнее меня, и я вижу, она уже сползла на самый кончик сиденья, вот-вот рванется в бой. Мне бы испугаться, что она глупостей наделает, а я ликую: наконец-то мы с ней совпали.

Старик закашлялся. Кашляет и не может остановиться.

Он дышал с присвистом, не успевал толком вдохнуть перед очередным приступом. Достал платок и прикрыл рот, чтобы шуметь поменьше и не распространять заразу. Лицо его порозовело, залилось краской, стало лиловеть, и я увидела, что Джунипер уже приподнимается с места. Глаз не сводит с тех двух болтушек и захлебывающегося кашлем старика. Наконец кашель оборвался.

Через мгновение он снова зашелся. Пассажиры отвернулись, уставились каждый в свое окно. Толстуха прервалась и глянула на старика, и я успокоилась: наконец-то она пустит его на то единственное место, где ему разрешено сидеть. Но она только языком цыкнула — раздражает ее этот кашель — и опять заговорила со старухой.

Я напряженно выпрямилась.

Да, кашель ее раздражал. Всех беспокоил в автобусе. Невозможно не услышать, как захлебывается человек от нехватки воздуха, но все делают вид, будто не слышат. Согласно правилам, тот, кто поможет Заклейменному, сам угодит в тюрьму, но ведь не в подобном же случае, верно? Мы же не можем смотреть, как он погибает?

Кашель смолк.

Кровь оглушительно стучит в ушах.

Я выпустила руку Арта. Она была холодной и влажной.

— Что случилось?

— Слышишь?

— Что?

— Кашель.

Он оглядывается:

— Никто не кашляет.

Старик заходится снова, но Арт и глазом не моргнул. Посмотрел на меня нежно и шепнул:

— Не терпится остаться с тобой наедине. Давай с первого урока смоемся?

Я едва разбираю его слова поверх кашля, поверх стука своего сердца. Неужели никто не слышит, как он кашляет? Никто не видит старика? В растерянности я снова оглядываюсь: все уставились каждый в свое окно, а если кто и смотрит на старика, то брезгливо, будто его Клеймо заразно.

У Джунипер на глазах слезы. Значит, я не одинока: моя родная сестра заодно со мной. Такого подтверждения достаточно. Я приподнимаюсь, но Арт неожиданно крепко хватает меня за руку.

— Не вздумай! — решительно приказывает он.

— Ой! — Я попыталась вырваться, но его пальцы впились так, что кожу под ними словно обожгло. — Больно,пусти!

— Когда тебе Клеймо поставят, больнее будет! — И он сдвинул еще сильнее.

— Арт, перестань! Больно! — Правда, как огнем жжет.

Он остановился.

— Это же несправедливо! — прошипела я.

— Он сделал что-то дурное, Селестина.

— Например? Что-нибудь, что в другой стране совершенно законно, а у нас за это все равно судят?

Похоже, это его задело.

— Глупостей не наделяй, Селестина! — только и сказал, видя, что спор проигран. И добавил поспешно: — Не помогай ему!

— Я не собираюсь ему помогать.

Как я решила подойти к этому старику — кашляющему, пыхтящему, задыхающемуся, — сама не пойму, но подошла и увидела шрам в форме «П» у него на виске, поблекший, как будто он носит его уже давным-давно, шрам стал такой же частью его тела, как родинки и волосы вокруг. Обойдя старика, я обратилась напрямую к тем двум женщинам, которые знай себе обсуждают рецепты варенья, сидя на обоих местах для Заклейменных, и как будто ничего не видят вокруг.

— Извините, — заговорила я сладко-сладко, растянув губы в любезнейшей улыбке. Они тут же ответили мне приветливыми улыбками. Две хорошо воспитанные, славные женщины из пригорода, охотно помогут мне во всем. Почти во всем.

— Да, дорогая?

— Можно вас попросить?

— Конечно, дорогая.

— Не могла бы одна из вас пересесть на другое свободное место? Или, если вы хотите сидеть вместе, мы с моим парнем уступим вам, и вы спокойно продолжите свой разговор...

Я глянула на Арта — лицо его искажено ужасом. А вот мне больше не страшно. Я люблю логичные решения. Эта проблема беспокоила меня, я придумала, как ее решить, и это логично. Ничего дурного я не делаю. Никаких правил не нарушаю. Меня всегда хвалят за точность поступков. Я идеальная молодая девушка. Выросла в идеальной семье, у меня отличные манеры, на лодыжке — ножной браслет, символ геометрической гармонии.

— Позвольте спросить зачем? — спрашивает старуха со сломанной ногой.

— Этот человек, — указываю я на старика, — у него Клеймо, а вы сидите на местах для Заклейменных. Ему негде больше сесть, а ему плохо.

Я вижу, как при этих словах все больше лиц оборачивается ко мне. Надеюсь, теперь они меня поймут. Надеюсь, ничего больше не придется объяснять. Я даже рассчитывала, что несколько человек поближе, кто все слышал, тоже вступятся, согласятся со мной, ведь я права. Но никто не откликается. Все сконфужены, кто-то, кажется, даже испуган, один глядит так, словно забавляется ситуацией. Все это нелогично, в этом только Джунипер могла бы разобраться. Я гляжу на нее. У нее на лице ужас, как у Арта. Она не двигается с места. Уж она-то, думала я, поддержит меня, но нет.

— Мы же разговариваем! — говорит другая женщина.

— А он задыхается, — возражаю я с той же улыбкой, которая мне самой уже кажется малость психованной, потому что про вежливость пора бы и забыть.

— Вы хотите ему помочь? — спрашивает та, с костылями.

— Нет, — лепечу я. — Нет. Но надо же как-то исправить ситуацию... — Я посылаю ей самую ослепительную из своих улыбок, но старуха с отвращением отшатывается.

— Я с этим дела иметь не желаю! — громко заявляет другая, привлекая к нам лишнее внимание.

— С чем — с этим? — нервно смеюсь я. — У вас-то ноги здоровые, вы могли бы пересесть, а ваша подруга останется...

— Никуда я пересаживаться не стану! — все так же громко рявкает она.

Пассажиры оборачиваются, смотрят на нас.

Старик уже еле стоит. Согнулся в приступе кашля. Он обернулся ко мне и попытался что-то вымолвить, но дыхания не хватило.

Не знаю, что он хотел сказать. Не знаю, как быть дальше. Не знаю, как оказать ему медицинскую помощь. Да ему и запрещено помогать. *Думай, Селестина, думай! Я не имею права ему помочь — но доктор же может.*

— Есть тут врач? — окликаю я пассажиров.

Арт в отчаянии закрывает руками лицо.

Только громкий испуганный вздох мне в ответ.

Я оглядываю все эти лица, застывшие в изумлении, в осуждении. Я растеряна, голова идет кругом. Старик сейчас рухнет, он может умереть. Я чувствую, как слезы щиплют глаза.

— Так и будем на это смотреть? — кричу я.

— Перестань, дорогая, не надо, — шепчет мне какая-то женщина. Она тоже расстроена, это видно, значит, я не одна такая, но она предостерегает меня: я слишком далеко зашла.

Но ведь это же абсолютно нелогично! Разве человеку, пусть даже Заклейменному, отказано в сострадании, разве не следует ему помочь?

Все отворачивают головы, отводят глаза.

— Все хорошо, — говорю я старику, он уже явно в панике. Кашель одолевает его, язык мечется в приоткрытом рту, и я успеваю заметить на нем тоже П и отшатываюсь в ужасе, не могу даже вообразить, какова была боль от ожога. — Все будет хорошо.

Он хватается за грудь, валится на колени.

Я подхватываю его под мышки, усаживаю на ближайшее сиденье.

— Остановите автобус! — кричу я.

Водитель тормозит. Я повторяю старику: все обойдется.

Поднимаю голову и вижу, что Джунипер плачет.

— Все в порядке, — говорю я Арту и ей. — Все будет хорошо. — А сердце стучит оглушительно. — Это же просто нелепо. — Голос мой звучит пронзительно, словно бы и не мой. И тут раздается вой сирен — громко, пронзительно, угрожающе, совсем близко.

Все сидят неподвижно, выжидая, и лишь мое сердце громко стучит в тишине. Два офицера Трибунала поднимаются в автобус, оба свистят в серебряные свистки, оглушительно, кто-то, не выдержав, зажимает ладонями уши. Идут прямо к старику и ко мне.

— Вот видите? Я же говорила, все будет хорошо, — перекрывая этот шум, говорю я старику. — Вот и они. Вот и помощь.

Он слабо кивает, не открывая глаз. Я думала, они подойдут к старику — он полулежит на сиденье, без сил, дышит слабо, пот тонкой пленкой проступил на коже. Но они не за ним. Они за мной.

Хватают меня и волокут прочь.

Джунипер кричит им, чтобы меня не трогали, Арт обеими руками пытается ее удержать, сам выглядит не намного лучше. Офицеры тащат меня по проходу, ухватив с обеих сторон за локти, по ступенькам, и я слышу вопль Джунипер: «Это моя сестра! Сестра!» — и свист,

пронзительный свист, пока меня не запихнули в фургон.

Еще до моего рождения страну настиг тяжелый кризис: банки закрывались, правительство не справлялось с проблемами, экономика рушилась, безработица и эмиграция достигли невиданных масштабов. Всех эта беда застала врасплох, и винили тогдашнее руководство. Лидеры страны, лидеры экономики должны были это предвидеть, им полагается знать. Они принимали неправильные, ошибочные решения и привели страну на грань краха. Это плохие люди, из-за них рушились жизни, распадались семьи. Они должны были за это поплатиться. Порочные люди, люди с моральным изъяном, навлекли на нас такую беду.

И тогда всех, кто допускал хоть малейшую ошибку, неверный шаг, стали наказывать безотлагательно. Публично высмеивали, выставляли неудачниками, вынуждали к отставке. Каждого называли поименно, каждого запятали. Эти люди не были преступниками, но они принимали дурные решения. Обществу нужны не такие вожди, которые учатся на собственных ошибках, а те, что опасных промахов не допускают. Не следует давать им шанс исправиться, сочувствовать им, не нужно жалкого лепета оправдания. Каждый, кто в прошлом делал ошибки, в будущем не может занимать руководящие должности. И когда народ сотысячными толпами окружил Дом правительства, было решено, что впредь каждый, кто обнаружит изъян в суждениях и решениях, подлежит остракизму. Хватит с нас осмыслений задним числом. Пусть все, все до единого смотрят только вперед — и никаких больше ошибок.

Можно ли воспитать идеального человека? Пробовали много разных способов, и в итоге правительство назначило судейский комитет, Трибунал Кревана. Клеймо ставится на всю жизнь, и от него уже не избавиться, что бы ты в жизни ни делал. Ты так и умрешь Заклейменным. Всю жизнь будешь расплачиваться за единственную ошибку. Твое наказание послужит предостережением для других: пусть думают прежде, чем совершать опрометчивые поступки.

Меня доставили в камеру в подвале замка Хайленд и подвели к столу, где лежали брошюры со всей информацией о Трибунале, которую мне полагалось усвоить. Там была и глава о правилах, по которым предстоит жить Заклейменному. И подробное описание процесса Клеймения, инструкции, как потом залечивать ожог. Я захлопнула книжицу и огляделась.

Камеры выглядят неплохо: цокольный этаж недавно полностью обновили. Четыре камеры, попарно с каждой стороны центрального коридора, а между собой соседние камеры разделены прозрачной пуле- и звукопроницаемой стеной. В брошюрах сказано, что стеклянная стена символизирует прозрачность системы, но я чувствую: так нас готовят к жизни, где достоинства и приватности почти не останется. В каждой камере стол с четырьмя стульями, кровать, туалет (там стены нормальные), еще несколько стульев расставлены там и сям — вдруг мне вздумается организовать тюремную вечеринку. Все окрашено в цвета зелени и земли, чтобы это место казалось естественным и нормальным.

На все четыре камеры я — единственный арестант. Две напротив не заняты, а в соседней, судя по одежде, по разбросанным вещам, кто-то должен быть, но сейчас он, наверное, в суде, ждет своей участи. За толстые стены туалета, конечно, спасибо, но помещение это настолько мало, что через минуту начинаешь задыхаться. Я бегаю туда

поплакать, хотя вполне могла бы предаться этому занятию прямо в камере: во-первых, никого рядом нет и никто не увидит, а во-вторых, красные глаза и следы слез на лице все равно меня выдадут.

Мне пока не представилась возможность поговорить с кем-нибудь, обсудить, разобраться и проанализировать случившееся. Меня зарегистрировали в приемной, и симпатичная женщина в форме офицера Трибунала (она представилась: ее зовут Тина) проводила меня в эту камеру, а потом меня отвели в помещение под Часовой башней, где находятся рабочие помещения Трибунала. Я все это хорошо знаю, потому что всегда смотрю репортажи, каждый прямой эфир Пиа, когда обвиняемых ведут из Часовой башни по длинной мощеной дорожке во двор Трибунала, они прячут лица, а толпа кричит, проклинает их и выражает полную поддержку Трибуналу.

Я в шоке. Естественно, я в шоке. Никак не могу смириться с тем, что я попала *сюда*, — я, которая никогда ничего не делает неправильно, я, умеющая ладить с людьми, я, у которой каждый школьный отчет заполнен одними лишь идеальными оценками, только «А», я, чей бойфренд — сын главного судьи Трибунала.

Вновь и вновь я мысленно перебираю все свои действия в автобусе. Столько раз уже их переворошила, что они начинают сбиваться, как песенка на заезженной пластинке. Я думаю о том, что я сделала, что следовало сделать, что можно было сделать лучше, и в итоге путаюсь и не вполне понимаю, что произошло на самом деле. Прокручиваю эту сцену в голове снова и снова, и она расплывается, как расплывается лицо, если слишком долго на него таращиться. Я сижу на кровати, прислонившись спиной к единственной настоящей тут стене, уткнулась лицом в колени, обхватила ноги руками. Не знаю, сколько я так просидела, то ли минуты, то ли часы. Сердце мечется между паникой и утешением в зависимости от того, какие я подбираю доводы.

Я не порочна. Не могу я оказаться порочной.

Я идеальна.

Так говорят мои родители, так говорят мои учителя, мой возлюбленный и даже сестра, хоть она терпеть меня не может. Сестра. Я слышу, как она в ужасе кричит, когда меня уводят, и глаза вновь наполняются слезами. Моя старшая сестра отбивалась от намертво вцепившегося в нее Арта, рвалась ко мне. Надеюсь, она-то не пострадает. Хоть бы ее не тронули. Ее вынудят говорить, что она не одобряет мой поступок. Тревога охватила меня. Нельзя втягивать в это Джунипер, кто ее знает, что она им наговорит? И Арт, Арт, что с ним сейчас? Тоже попал в беду? Спасет ли меня его отец или не захочет обо мне и слышать? Арт тоже не захочет обо мне и слышать? Лишиться его — от одной этой мысли мне поплохело.

И так по кругу, по кругу.

Хлопнула дверь, я подняла глаза.

Тина и с ней еще страж-мужчина ввели парня моего примерно возраста, может быть, чуть старше. Они миновали камеру, где я сижу, и втокнули его в соседнюю. Он явно тут хорошо ориентируется, не новичок, не то что я: пока меня сюда вели, я лихорадочно оглядывалась по сторонам, ко всему присматриваясь. Футболка его засыпана каким-то белым порошком и волосы тоже, что-то попало на Тину и на второго стража, не соображу, откуда это. Высокий, широкоплечий парень, лицо жесткое, упрямое, виноватое. Он моего возраста, но кажется старше из-за этой гримасы.

При мысли, что он — мой ровесник, я поспешно выпрямляюсь. Пусть он заметит меня. Обменяемся взглядами, улыбками, чем-то, что поможет утешить его, утешить меня. С ним

стражи обращаются совсем не так мягко и вежливо, как со мной, и во мне пробуждается эгоистическая надежда, что со мной-то все было просто ужасной ошибкой и я выйду отсюда прежним нормальным человеком. Я присматриваюсь к своему соседу, к его напряженному, злому, упрямому лицу: посмотри же на меня! Интересно, в чем он провинился. Уголовное преступление не совершил, это ясно, иначе попал бы в другое место, но, похоже, что-то скверное. Что бы ему ни предъявили, уверена, он в самом деле что-то натворил.

Парень глянул на меня однажды, войдя в свою камеру. Увидел меня сквозь общую стеклянную стену. Сердце забилося чаще. Первый человек за много часов. Но, едва глянув, он отвел глаза, сделал несколько шагов своими длинными тощими ногами и уселся спиной к прозрачной перегородке: только и видно, как мощные лопатки распирают замурзанную футболку.

Я была этим обижена, испугана и почувствовала себя еще более одинокой. Снова хлынули слезы. Слезы дарили отраду, я вновь чувствовала себя человеком, вполне человеком, даже здесь, в этой прозрачной будке в ряду таких же будок.

Стражи заперли соседнюю камеру и ушли. Скрылись за главной дверью, и я осталась одна — рядом с человеком, который не желал даже поглядеть на меня.

Большая дверь открылась. Мама, лицо встревоженное, почти обезумевшее, и папа, строгий, но желваки на широких скулах вспухают, сдерживается с трудом. Едва увидев меня, мама вдруг напустила на себя такую безмятежность, словно она гуляет в парке и наслаждается окрестными видами — дурной знак. А у папы при виде меня тщательно удерживаемое лицо обрушилось. Никогда-то он не умел скрывать свои чувства. Тина отперла камеру, и я бросилась им навстречу.

— Ох, Селестина! — Мама крепко прижимает меня к себе, голос горестный. — Что ж это на тебя нашло?

— Саммер! — резко одергивает ее отец, и она вздрагивает словно от пощечины.

Я тоже напряглась: впервые после этой беды мы увиделись, и я надеялась на помощь, поддержку, не на упреки. Моя мама согласна с ними, тоже обвиняет меня? Знать-то я знала, что попала в беду, но только сейчас вполне это поняла.

— Прости, — мягко извиняется она. — Не следовало мне так говорить, но все это совсем на тебя не похоже. Джунипер рассказала нам, как это произошло.

— Бессмыслица, — говорю я. — Все это совершенно не логично.

Папа грустно улыбается мне.

— Старик кашлял непрерывно. Задыхался. Он мог упасть в обморок, мог даже умереть, а толстая женщина и та, со сломанной ногой, болтали о своем и его не замечали. Они сидели на его месте! — Я тараторю, подавшись всем телом вперед, вглядываясь в лица родителей, уговаривая маму и папу. Я чуть ли не умоляю их увидеть все случившееся моими глазами, объясняю им, как все это было несправедливо, отвратительно. Я вскакиваю, расхаживаю по камере, начинаю опять сначала, уточняю, может быть, и преувеличиваю, может быть, делаю толстуху еще жирнее, кашель — еще более мучительным. Я стараюсь внушить им то, что вижу сама: пусть скажут, что все поняли, что сами на моем месте поступили бы точно так же. Пусть скажут наконец, что я не заслужила Клеймо.

Папа следит за мной полными слез глазами. Ему все это непосильно. Мама вдруг вскочила, схватила меня за плечи. Удивленная ее порывом, я оглянулась и увидела, что парень в соседней камере уже не сидит спиной ко мне, а перебрался на постель и оттуда может видеть всех нас. Разобрал ли он что-то из моих слов? Может быть, он умеет читать по

губам? Но мама еще сильнее впивается пальцами в мои плечи и заставляет сосредоточиться на ее словах.

— Слушай внимательно! — тихо, настойчиво шепчет она. — У нас мало времени. Через несколько минут придет судья Креван, тебе придется пустить в ход все свое очарование. Забудь все, чему мы тебя учили, забудь на время, что хорошо, что плохо. От этого зависит твоя жизнь, Селестина!

Никогда я не видела маму в таком состоянии, никогда от нее ничего подобного не слышала, она до смерти напугала меня.

— Мама, но ведь Боско, он понимает...

— Скажи ему, что раскаиваешься, — настаивает она. — Скажи ему, что ты поступила неправильно. Ты меня поняла?

В недоумении я перевожу взгляд на отца. Он закрыл лицо руками.

— Папа?

— Каттер, объясни ей! — торопливо требует мама.

Он медленно отводит руки от лица. Такой печальный, сломленный человек. Что я наделала? Я всем телом прижимаюсь к маме. Она подводит меня к столу, усаживает на стул.

— Но если я скажу, что поступила неправильно, значит, я заслуживаю Клейма.

Папа наконец вмешивается в разговор:

— Если он догадается, что *ты считаешь себя правой*, он приговорит тебя к Клейму.

— Не надо лгать о том, что ты сделала, но признай, что ты допустила ошибку. Доверься мне! — шепчет мама, таясь, чтобы не подслушали.

— Но... тот старик...

— Забудь старика! — строго обрывает меня мама. Так холодно — а я никогда не видела от мамы ничего, кроме любви. Я не узнаю мою маму, я не узнаю свой мир. Вот они — корни моего мира, мои основания, сидят передо мной, вывернутые из земли, и говорят мне такое, чего я никак не ожидала услышать от них. — Ты же не допустишь, чтобы Заклейменный старик погубил твою жизнь! — И голос ее ломается.

Мы сидим в молчании, пока мама приходит в себя, вновь надевает маску, папа тихонько поглаживает ее по спине, повинуюсь неслышному ритму, а я сижу перед ними, и голова идет кругом. Мои мысли и мыслями-то не назовешь, проскакивают одна за другой, не успев завершиться, не могу взять в толк все, что наговорили мне родители.

Они принуждают меня солгать. Хотят, чтобы я признала свою ошибку. Но ведь солгать может только тот, кто достоин Клейма. Чтобы не стать одной из Заклейменных, я должна впервые в жизни поступить, как *они*. Нелогично. Бессмыслица.

Дверь открылась, мама и папа напряглись, я заметила, как парень в соседней камере подобрался. Вспышку красного цвета я вижу прежде, чем самого судью, похожего на крылатого Супермена из фильмов в этом кроваво-красном развевающемся плаще. Потом я начинаю различать искрящиеся синие глаза и светлые волосы, его сходство с Артом, и чувствую себя в безопасности, дома. Он улыбается мне через стекло, морщинки бегут от глаз, мне так это знакомо, тревога отпускает. Да, я в безопасности.

— Селестина! — говорит он, едва Тина открывает ему дверь. Он сверкает мне идеальными белыми зубами, распахивает руки, словно крылья, вот-вот взлетит. Я бросаюсь в открытые мне объятия, и он обхватывает меня обеими руками, обволакивает красным плащом. Я под защитой. В красном коконе. Все будет хорошо. Боско меня спасет. Он не допустит, чтобы все это слишком далеко зашло.

Когда он прижимает меня к себе, я чувствую щекой выпуклую вышивку. Я утыкаюсь лицом прямо в герб и девиз Трибунала: «Ревнители идеала».

Он поцеловал меня в макушку и отпустил.

— Так, сядем и все обсудим, Селестина! — Он пронзает меня своим знаменитым строгим взглядом, и, как и прежде по телевизору, это выражение лица кажется мне искусственным, мультяшным — совсем не тот человек, которого я привыкла видеть в домашней обстановке.

Я удерживаю губы, не даю им расплыться в нервной улыбке. Только засмеяться сейчас и не хватало.

— Тебе предстоит в ближайшие дни пройти нелегкие испытания, но мы справимся. Ясно?

Он бросает взгляд на моего отца, который на глазах осунулся, и я впервые задумываюсь, что же он скажет коллегам, как будет руководить студией, если главной новостью окажется суд над его родной дочерью?

Я киваю.

— Будешь слушаться и делать так, как я скажу.

Я снова киваю, изо всех сил.

— Она все сделает! — Мама выпрямляется и чеканит слова.

Боско ждет моего ответа.

— Я буду слушаться.

— Хорошо. Так. — Он вынимает планшет, быстро перелистывает, просматривает какие-то документы. — Эта глупость в автобусе, — вздыхает он, покачивая головой. — Арт мне все рассказал.

Меня его слова не удивили. Выбора у Арта не было, и теперь я глубоко сожалею о том, как мой поступок отразится на всех близких. Арт конечно же рассказал ему всю правду, Арт не стал бы лгать отцу, даже чтобы спасти меня, — или? Я вдруг засомневалась, что и как следует рассказывать Боско, тем более после того, как родители велели мне солгать.

— К сожалению, уже выискались люди, которые хотят использовать твои отношения с Артом, чтобы дискредитировать и подорвать работу Трибунала. Жалкое меньшинство, разумеется. Но ты можешь стать пешкой в их игре, Селестина. — Он оглядывается на моих родителей, затем снова смотрит на меня. — Крайне неудачный момент, учитывая вердикт, только что вынесенный Джимми Чайлду: меня уже упрекают в излишней снисходительности. Но ты, Селестина, ты же всегда была самой верной моей сторонницей. С тобой все обойдется.

Я улыбаюсь, успокаиваясь.

— У меня при себе записи, но я хочу, чтобы ты сама рассказала мне, как это произошло.

Знать бы, в какую форму облек свой рассказ Арт, но мне все равно придется рассказать все как было, только бы на Арта не навлечь беду. В конце концов, в автобусе ехало еще тридцать человек, их показания в точности совпадут. От меня требуется лишь добавить, что я поступила неправильно, признаю. Это ведь *нетрудно* сказать.

— Две женщины сидели на местах для Заклейменных. У одной сломана нога, она села там, чтобы удобнее вытянуть ногу, а вторая — ее приятельница. Потом в автобус вошел старик с Клеймом. Сесть ему было некуда. Он закашлялся. Еле стоял. Ему становилось все хуже и хуже. Я попросила ту леди, у которой нога не сломана...

— Маргарет! — подсказал Боско. Он подозрительно щурился, взгляд его метался от

моих глаз к губам, впиваясь в каждое слово, анализируя едва заметные выражения лица, каждый жест. Я постаралась полностью сосредоточиться на своей истории.

— Да, Маргарет. Я попросила ее пересесть, чтобы тот старик мог занять это место.

— Зачем?

— Потому что...

— Потому что он мешал другим пассажирам, — быстро перебил он. — Потому что отвратительный заразный кашель этого Заклейменного старика опасен для нормальных пассажиров, и ты беспокоилась о них и о себе.

Я открыла рот, но молчала, не зная, что дальше говорить. Оглянулась на маму с папой. Мама преспокойно кивнула, у папы вновь забегали на скулах желваки, взгляд налитых кровью глаз уперся в стол. Я не знала, что говорить дальше. К такому я не была готова.

— Продолжай! — потребовал Боско.

— Ну вот, они отказались пересесть, а потом я спросила, нет ли врача...

— Чтобы помешать распространению этой мерзкой инфекции, — вновь подсказал он. — Ты заботилась о пассажирах автобуса. Хотела уберечь их от угрозы, которую представлял собой Заклейменный.

Я смолкла.

— Продолжай!

— Потом я попросила водителя остановиться.

— Зачем?

— Чтобы помочь...

— Чтобы вывести его из автобуса! — рявкнул он. — Избавиться от него. Сколько можно загрязнять воздух, которым дышат все пассажиры? Да ты у нас настоящий герой. Вот во что все теперь будут верить. Уже два часа Пиа рассказывает стране эту историю. Возле замка собираются люди посмотреть на тебя — на свою героиню, которая защищает нормальных людей от Заклейменных.

У меня отвисла челюсть. Я уставилась на папу, теперь-то я понимаю, почему он так истерзан. Все утро сочинял этот сюжет?

— Но остается одна проблема, — продолжает Боско. — Ты усадила его на сиденье на нормальных. И вот тут мы с коллегами никак не можем прийти к общему мнению, хотя я бился с ними целый час. Эту подробность мы пока не сообщали Пиа, однако найдется с дюжину пассажиров того автобуса, которые явятся с показаниями. Может быть, кто-то даже заснял всю сцену.

Он снова бросил взгляд на отца, и тот кивнул в ответ. Да, он уже получил ролик, видео, заснятое кем-то из пассажиров на телефон и пересланное прямоком в новостную студию. Папа, наверное, все утро бьется, чтобы ролик не пустили в эфир. Он прекрасно понимает, что произойдет, если его увидят.

— Как ты догадываешься, твой отец позаботится, чтобы съемка не попала в эфир. — Почему-то это прозвучало словно угроза.

— Я сказал: сделаю все, что в моих силах, — говорит отец, решительно глядя в глаза Боско.

И Боско тоже смотрит ему в глаза, они словно меряются силами.

Мама кашлянула, чтобы прервать этот поединок.

— Итак, — говорит Боско. — Выслушав твои показания, я заявлю, что обвинение необоснованно и несправедливо, ведь человека, *действовавшего в интересах Трибунала*,

невозможно приговорить к жизни с Клеймом. Но мои коллеги-судьи спорят и со мной, и друг с другом. На данный момент судья Джексон, который обычно мыслит вполне здраво, рассматривает твой поступок как моральную ошибку и настаивает на Клейме. Судья Санчес считает, что ты помогала и способствовала Заклейменному, а это уголовное преступление, за которое полагается тюремный срок.

Я слышу, как резко вдохнула мама. Папа никак не реагирует. Должно быть, уже знает.

— Как тебе известно, минимальный срок заключения за помощь Заклейменному составляет полтора года, а учитывая, что это произошло публично, на глазах нескольких десятков человек, наказание должно быть более строгим. Мы спорили без конца, — он вздохнул, и я почувствовала его усталость, искреннее огорчение тем, как все неудачно складывается. — И мы сошлись на трех годах. Через два года и два месяца — досрочное освобождение.

— Что? — шепчу я, но меня словно и нет здесь, они стовариваются поверх моей головы.

— Неудачный момент выбрала Селестина для этого... этого промаха, — говорит Боско маме и папе. — Мои враги вышли на тропу войны, для них Селестина лишь предлог. Пиа долго не продержится. Каттер, ваша команда должна делать свое дело и освещать процесс, как обычно, но оппозиция очень сильна. Судить будут не Селестину, судят наш Трибунал, и этого мы допустить не можем. Этого мы не допустим. — Он грозно выпятил грудь. — Каттер, твоя команда должна действовать слаженно. Кэнди мне сообщила, что недавно на студии были... разногласия. Надеюсь, ради блага вашей дочери, на этот раз вы будете строго следовать стилю и правилам нашего канала. Никаких отклонений от...

Опять угроза? Неужели Боско угрожает папе? Я обернулась к отцу, и мне показалось, будто внутри его скрывается другой человек и пытается вырваться, но его держат крепко, он — пленник.

— Пессимисты, вздыхающие о мифическом золотом веке журналистики, заблуждаются. Золотой век настал сейчас, и в еще большей мере он нам предстоит. Кэнди правильно поступила, дав Бобу Тиндеру отгул по личным причинам. Сейчас, когда атмосфера сгущается, придется работать изо всех сил, на высшем уровне, чтобы дать отпор сплетникам и оппортунистам. Наши враги думают, что Селестине все сойдет с рук, что Трибунал небезупречен, она — подруга моего сына, сына судьи, ей обеспечено особое отношение. О да, Селестина, так бы я и хотел поступить, — с печалью, искренней печалью признается он. — Ты вернула Арту радость, ты единственная, кто смог достучаться до него после смерти матери. Он так тебя любит. Но, увы, для моих коллег, для моих собственных сторонников ты тоже всего лишь пешка. Они ухватились за такую возможность продемонстрировать сомневающимся, насколько безупречно работает система. Даже идеальная девушка, почти что родственница верховного судьи, тоже может быть приговорена к Клейму. Селестина, дорогая моя, мне приходится сражаться на два фронта.

Я сглатываю, комок застрял в горле.

— И я тоже убежден, что никто не может ставить себя выше Трибунала. От его суда не уйдет ни один человек!

Я вспоминаю, что Трибунал, по определению, не суд. Его задача — провести расследование, установить характер обвиняемого. Я чуть было не выговорила свои мысли вслух, но вовремя остановилась. Не время сейчас для моей черно-белой логики. Хотя как это случилось, что для нее не время?

— Ты хоть понимаешь, в какую беду ты попала, дитя мое? — вкрадчиво спрашивает

Боско.

— Дитя! — подхватываю я. — Правильно, меня не могут посадить в тюрьму. Мне еще полгода до совершеннолетия.

— Селестина, — говорит он, — всякий старше шестнадцати лет может быть присужден к Клейму. Что же касается тюремного заключения, мы можем отсрочить его до твоего восемнадцатилетия.

Боско обещал устроить на мой день рождения праздник у себя на яхте. Вместо этого я буду ночевать в тюрьме. Разве я заслужила такое? А другие? Ангелина точно не заслужила.

Я оглядываюсь на парня в соседней комнате. Хотелось бы знать, давно ли он здесь, а еще хотелось бы знать, в чем он провинился. Взгляд Боско следует за моим взглядом, и, словно почувствовав, парень поднимает голову и смотрит на Боско в упор, холодно, жестко, глаза его наполняются ненавистью. Боско отвечает ему столь же пристальным взглядом с таким презрением, омерзением даже, что я съеживаюсь и готова просить за него прощения.

— Тебе не место здесь, с такими подонками, — говорит Боско. Хорошо, что парень этого не слышит.

— Что он сделал?

— Он? Порочен до мозга костей, — с отвращением цедит Боско. — Может быть, он и сам об этом пока не догадывается. Но мне нет надобности выслушивать обстоятельства дела, чтобы распознать этот тип. Я его насквозь вижу. Ты, Селестина, совсем другое дело. Ты чиста. Тебя не должно коснуться то будущее, которое предназначено ему.

— Что же я должна сделать? — дрожащим голосом спрашиваю я.

— Ты повторишь свой рассказ так, как мы только что договорились, а когда тебя спросят, зачем ты помогла старику сесть, ты ответишь, что не помогала, он сел сам.

От изумления я даже рот раскрыла.

— Но ведь старика накажут!

— Накажут. Но он стар и тяжело болен, скорее всего, он так и так умрет еще до приговора.

Старик не сам сел. Он из последних сил держался на ногах. Это я его усадила.

— Я же не могу...

— Не можешь — что? — пронзительно глянул Боско.

— Не могу *лгать*.

— Разумеется, не можешь, — ответил он, глядя на меня так, словно перестал меня узнавать. — Солгать — значит показать себя достойной Клейма. Я бы никогда в жизни не посоветовал тебе *солгать*, — продолжал он, как будто бы даже задетый. — Это единственный способ сохранить свободу, избежать Клейма на всю жизнь, избежать изгнания из общества. *Единственный* способ. Мы с тобой обсудили, что произошло на самом деле, и ты подтвердишь это в суде, ты скажешь ясно и во всеуслышание, что общество должно изобличать порочную гниль и выдавливать ее из себя. В этом работа Трибунала, и ты, безусловная приверженка Трибунала и его дела, действовала в строгом соответствии с правилами. Ты не пыталась помочь Заклейменному, ты помогала Трибуналу и тем самым помогала обществу. Вот что ты им скажешь. Мы поняли друг друга?

Я — пешка в руках обеих сторон. Одни на моем примере хотят доказать, что Трибунал несправедлив, Трибунал использует меня, чтобы доказать свою безупречность. Доказать свою власть на примере идеальной девушки. Используют меня, чтобы множить страх.

— Я согласна, — еле бормочу я.

Слушание дела назначено на этот же день. Парень в соседней камере — я прозвала его Солдатом — по-прежнему не поворачивает головы в мою сторону. Конечно, после того как Боско у него на глазах обнимал меня, он не воспылил ко мне добрыми чувствами. И после того как Пиа Ванг по требованию Боско заявила на весь мир, что я вовсе не помогала старику, а собиралась вытолкать его из автобуса. Если парень видел эти репортажи, а он, скорее всего, видел — наш крошечный телеэкран только канал Пиа и демонстрирует, — то понятно, почему он смотреть на меня не хочет. Очевидно, он вовсе не противник Заклейменных и мои поступки считает несправедливыми. Знал бы он правду, тогда бы понял, что тут, в соседней камере, есть сочувствующий ему человек. Конечно, ложь спасет мою жизнь, но мне все-таки неприятно, что вот так меня воспринимает этот парень. Его презрение сочится сквозь стены, и я не могу его в этом упрекнуть, но хотелось бы знать: если б ему предложили такой шанс выбраться, он бы ухватился за него?

Папа ушел на работу, а мама осталась со мной. Она принесла чемодан с вещами, чтобы переодеть меня к суду, — похоже, она зашла по дороге в магазин и скупила все подряд. Солдат саркастически следит за тем, как она раскладывает одежду на кровати, развешивает по стульям, всюду, где только может. Он покачал головой и вновь пустился расхаживать. Меня смущает такая суета вокруг меня, Солдат все утро провел в одиночестве, но я стараюсь выбросить его из головы и сосредоточиться на спасении собственной жизни.

— Все оттенки розового, — говорю я, оглядев ассортимент.

— Бледно-розовый, нежно-розовый, цвет орхидеи, шампанского, кружева, вишневый, лавандовый, цвет леденца, ярко-розовый. — Мама перечисляет оттенки, двигаясь вдоль кровати, и сразу убирает то, что ее не устраивает, швыряет обратно в чемодан.

Ярко-розовый, леденцово-розовый и кружева убраны. Слишком откровенные топы с низким вырезом тоже. В итоге мы останавливаемся на облегающих брюках нежно-розового оттенка и на светло-розовой блузке, очень светлой, почти белой, планка пуговиц по центру прикрыта кружевом. На ноги балетки. Идти через мощный двор суда на каблуках — слишком велик риск зацепиться каблуком, споткнуться, вот будет зрелище для телекамер и истеричных зрителей, которые соберутся поглазеть на меня. Балетки тоже розовые, но с принтом под леопарда.

— Тоже вполне девичьи, но как бы предостерегают: не тронь меня, — комментирует мама. — Помни: в этом мире имидж — все.

Тина доставляет мужской манекен и вновь покидает нас.

— Лапонька, это мистер Берри, он будет твоим защитником в Трибунале. Судья Крewan рекомендовал его, он самый лучший. Он защищал Джимми Чайлда.

Манекен неожиданно оживает и широко улыбается мне — не верю я этой улыбке, такой же фальшивой, как и гладкая кожа на лице адвоката. Ниже подбородка ему шестьдесят лет, а выше — не более тридцати. Одет щегольски, словно только что сошел с глянцевого страницы журнала, ботинки сверкают, безупречный платочек в кармане, золотые запонки в тон золотому галстуку. Кожа тоже сияет, натягиваясь на скулах, и я отчетливо различаю следы пудры. Выглядит идеально, и все же я не могу ему довериться. Я оглядываюсь на Солдата, а тот с подозрением глядит на моего новоявленного адвоката. И, должна сказать, я вновь втайне соглашаюсь с интуитивной реакцией парня из соседней камеры. Мы встречаемся

взглядами, но он качает головой, словно и смотреть на меня не хочет, уходит в дальний угол своей камеры, подальше от меня.

— Селестина! — повторяет мама. Кивком она указывает на мистера Берри, и я спохватываюсь: я же так и не поздоровалась.

— Прощу прощения! — Я подаюсь к нему так поспешно, будто меня в спину толкнули.

— Я все понимаю, — цедит он сквозь крупные белые зубы без всякого понимания, не говоря уже о сочувствии. — Итак, за дело.

Он садится, хлопает перед собой на стол кейс, отстегивает золотые зажимы.

— Сегодня лишь официальная процедура, тебе ничего не нужно ни говорить, ни делать, только заявить, что ты не признаешь себя порочной. Назначат дату суда и отпустят тебя домой.

Я вздыхаю с облегчением.

— Селестина, — мягче говорит он, видя, как я волнуюсь. — Слушайся меня, детка, делай, что я говорю, и все у нас будет отлично. Поверь моему опыту.

«У нас» — я хорошо понимаю смысл этих слов.

— Конечно, ситуация уникальная. Обычно у меня под дверью не собираются корреспонденты всех газет и MTV в придачу. Даже Джимми Чайлд не вызвал такой сенсации, впрочем, СМИ всегда больше интересуются молодыми женщинами. В деле Джимми это сыграло нам на руку, они больше говорили о его жене и ее сестре, чем о нем самом.

— MTV?

— Ты — красивая семнадцатилетняя девушка из хорошего района, никогда никаких неприятностей, подруга сына судьбы, — они же так и вцепятся в этот сюжет. Им как раз требуется новое реалити-шоу, и, похоже, ты у них сейчас будешь звездой. Представительница поколения, которое будет смаковать каждую деталь этого дела, поколения податливого, внушаемого и к тому же менее стесненного в средствах, чем другие социальные группы. Сегодня тебя увидят в этих туфлях — завтра их купят все. Наденешь серьги — к концу недели их не останется ни в магазине, ни на складе. Какие бы духи ты ни выбрала, за ними завтра соберется очередь. Эффект Селестины Норт. Индустрия моды, продажники. О, они тебя будут очень любить.

Он тарыхтит очень быстро, не успеешь, к тому же пухлые губы растянуты в улыбке и почти не двигаются, отчего разбирать слова еще труднее.

— Все стороны попытаются использовать тебя в собственных интересах, не забывай. Ты — модель и образец для Трибунала, ты — модель и образец для противников Трибунала, и для той одежды, которую решишь надеть, и для помады — о, они непременно постараются выяснить, какой блеск для губ ты предпочитаешь. Сколько углеводов ты потребляешь в день и сколько делаешь приседаний. Кто твой парикмахер. Сколько у тебя было мальчиков. Увеличила ли ты грудь. Нужно ли тебе ее увеличить. Пластические хирурги уже собрались и готовы обсуждать в тебе каждую деталь — в тебе, Селестина Норт, — и меня тоже интересует каждая мелочь, потому что из мелочей складывается ответ на главный вопрос: заслуживаешь ли ты Клеймо?

Не знаю, ожидал ли он ответа на последний вопрос: он пристально изучал меня холодными змеиными глазами из-под исправленных операцией век, и я предпочла промолчать. Не хотелось ни в чем поддаваться, и я вновь удивилась, откуда вдруг во мне такое упрямство.

— Все наготове, каждый хочет использовать тебя в своих целях. Не забывай об этом.
Все.

— А вы — в каких целях? — спрашиваю я.

— Селестина! — тихо вскрикивает мама. — Простите, мистер Берри, Селестина склонна воспринимать абсолютно все буквально.

— В этом нет ничего дурного, — отвечает мистер Берри, изучая меня все с той же широкой улыбкой, хотя и говорит он, и смотрит так, словно дурно все и не только в этом. — Как я уже сказал, сегодня — формальная процедура. Ты не признаешь себя порочной и отправишься домой ждать завтрашнего суда. Завтра все закончится. Позаботься о свидетелях своего характера: нам нужны родители, братья или сестры, лучшие друзья, кто за тебя умереть готов. В таком роде.

— Мой парень, Арт. Он мой лучший друг, он заступится за меня.

— Трогательно, — отвечает он, быстро просматривая документы. — Но нет, он давать показания не будет.

— Почему? — в растерянности переспросила я.

— Лучше будет, если вопросы стану задавать я, — сказал он. — Но раз уж ты спросила — судья Креван решил не привлекать его к делу.

Я заметила, что моему адвокату это решение не нравится, но я понимаю: Боско не может предложить родному сыну солгать, сказать, что я не пыталась помочь старику сесть. Да, это логично, и все же для меня это большая потеря: если б Арт был в суде, был со мной! Он так мне нужен, и хотела бы я знать, долго ли он спорил с отцом за право выступить на моей стороне. Боролся ли он вообще за меня.

— Впрочем, это не важно, стоит ли слушать, как твой дружок расписывает твои совершенства: для каждого парня его девушка — идеал, и даже если он так не думает, все равно так скажет. А в качестве свидетеля самого эпизода его тоже нет смысла вызывать, существует тридцать пассажиров, которые обеими руками ухватятся за такой шанс. В первую очередь те две леди, Маргарет и Фиона.

Я молчу, перекипая, потом соображаю:

— Джунипер, моя сестра.

— Нет! — вмешивается мама. — Джунипер в суд не пойдет, — говорит она мистеру Берри.

Они обмениваются долгим взглядом, что-то сообщая друг другу на языке, которого я не понимаю.

— Почему? — спрашиваю я.

— Мы это обсудим позже, — говорит мама с улыбкой, но взглядом приказывая мне замолчать.

Итак, Джунипер не выступит в мою защиту. Включается паранойя: сестра отвернулась от меня, она меня стыдится. Она не станет лгать ради меня, или родители запретили ей лгать. Не хотят, чтобы я потянула ее за собой на дно. Кто же согласится потерять обеих дочерей, если можно отделаться одной? Обида захлестывает меня. Как странно! Я же сама боялась вовлечь ее в беду, а теперь, когда час пробил, возмущаюсь всеми, кто отступился от меня.

— Полагаю, у тебя есть друзья помимо твоей сестры и возлюбленного. Нам достаточно одного свидетеля.

Арт заполнил всю мою жизнь, когда остался без матери, и, проводя столько времени

вдвоем, мы отделились от остальных друзей — они вроде бы понимали нас и все же несколько досадовали. Но конечно же Марлена, любимая моя подруга с ранних детских лет, поддержит меня, даже если в последнее время и была задета моим невниманием.

— К вечеру будешь дома, — повторяет мистер Берри.

— Меня не оставят тут на ночь?

— Нет, это делают только в особых случаях, когда существует риск побега, как с тем молодым человеком во второй камере.

Мы все оглядываемся на Солдата, мама заметно вздрагивает. Такой у него одинокий вид, такой озлобленный. У него конечно же нет ни малейшего шанса.

— А его кто защищает в Трибунале?

— Его? — фыркнул мистер Берри. — Он решил сам говорить за себя, и выходит это у него прескверно. Такое впечатление, что он *напрашивается* на Клеймо.

— Как это возможно? — шепчет мама, отворачиваясь.

Я вспоминаю всех тех людей с Клеймом, мимо которых прохожу каждый день, тех, кому я не смотрю в глаза, стараясь обойти так, чтобы даже мимолетно не соприкоснуться. Их шрамы, их опознавательные повязки, ограничения в правах: живут вроде бы среди нас, но все желанное для них недостижимо. Ждут на специальных остановках автобуса, который доставит их домой к комендантскому часу, к десяти вечера зимой, к одиннадцати летом. Живут с нами в одном мире, но совсем по другим правилам. Неужто я бы хотела стать одной из них?

— Как его зовут? — срывается с языка.

— Понятия не имею, — скужливо отвечает мистер Берри.

Я смотрю в ту камеру — он совсем одинок, а у меня тут одежда на выбор, и родители, и адвокат, и сам верховный судья на моей стороне. Конечно же он ненавидит меня, но у меня есть друзья, и я знаю, что нужно сделать, чтобы выбраться и сохранить свою прежнюю жизнь. Для меня свет еще не померк. Могло быть гораздо хуже. Я могла оказаться на *его* месте. От этого меня отделяет только одна небольшая ложь. Нужно солгать, стать несовершеннолетней, и таким образом доказать свое совершенство. Я сделаю все, что велит мистер Берри.

Прежде чем вести меня через двор в суд, Тина принесла мне обед, но я и крошки не смогла проглотить. За стеклом Солдат пожирает все так жадно, словно изголодался до смерти.

— Как его зовут? — спрашиваю я Тину.

— Его? — Она глядит на него с тем же презрением, что и все остальные. Со мной она с самого начала обращалась по-другому.

— Кэррик.

— Кэррик! — громко повторяю я. Наконец-то он обрел имя.

Тина подозрительно сощурилась:

— Держись от этого парня подальше.

Мы обе смотрим на него, а потом я чувствую, как он следит за мной, пока я слежу за ним.

Я слегка откашливаюсь, притворяюсь, будто мне и дела нет.

— В чем он провинился?

Она снова бросает на него взгляд.

— Ему ничего и не надо делать. Такие ребята от рождения гнилые. — Она перевела взгляд на мой поднос: — Совсем ничего не поешь?

Я качаю головой. Лучше поем потом, дома.

— С тобой все обойдется, Селестина, — смягчает она голос. — У меня дочка, твоя ровесница. Похожа на тебя. Здесь тебе не место. Ты сегодня же будешь дома — в своей комнате, в своей кровати.

Я улыбаюсь, благодарная за каждое слово.

— Меня вызывают наверх. — Она поморщилась. — Впервые за все время службы. За что ж меня хотят пропесочить? — Она состроила гримасу, но, увидев испуг на моем лице, рассмеялась: — Не волнуйся, я скоро вернусь. С тобой все будет о'кей, малышка! Через полчаса нам в суд, так что поешь пока.

Я не в силах прикоснуться к еде. Кэррик тем временем доедает последние крохи. Пришел другой страж, Фунар, отпер дверь той камеры и что-то сказал Кэррику. Тот вроде бы доволен: сразу вскочил и шагнул к двери. Фунар подошел к моей камере:

— Хочешь воздухом подышать?

Я тоже бегу к двери — еще бы! Он отпирает камеру, и я шагаю следом за Кэрриком. Впервые вижу его так близко и не через стекло. Очень уж он здоровенный. Широкие плечи, бицепсы и трицепсы в постоянном тонусе. Я чувствую себя виноватой перед Артом за свое любопытство. Фунар пытается открыть боковую дверь, видимо, во двор, но она заперта.

— Черт, придется за ключом идти, — ворчит он. — Сидите тут — и ни с места. Я на минуту.

Он ткнул пальцем в скамью у стены коридора, и мы оба послушно уселись рядом.

Мы не дотрагиваемся друг до друга, но жар его тела я ощущаю вполне. Он раскален словно печка. Не могу придумать, что ему сказать, да и стоит ли заговаривать с ним, не очень-то он расположен к общению. Спросить, за что он сюда попал? Да, в такой ситуации не найдешься, с чего начать разговор. Я так и сижу, замерев, перебирая в уме какие-то фразы, поглядывая на него исподтишка, если он не смотрит, и чувствую наконец, что сейчас он сам заговорит, но тут внезапно из-за угла в наш отрезок коридора выходит группа из шести человек. Женщины плачут, цепляются за мужчин, у тех тоже глаза на мокром месте. Они прошли мимо нас, словно погребальная процессия, и свернули в какое-то помещение. Когда дверь туда приоткрылась, я успела заглянуть и увидела небольшую комнату и два ряда стульев. Все они развернуты в сторону сплошной стеклянной стены, а за ней — другая камера. В центре той внутренней камеры стояло что-то похожее на зубоврачебное кресло, только больше, а в стене металлические задвижки. Стражник отодвинул одну задвижку, внутри нее пылал огонь. Я не могла оторвать глаз, никак не могла сообразить, что это такое.

Затем два стража провели по коридору мужчину. Он нас словно и не заметил, он был очень напуган, оцепенел от страха. На вид лет тридцати с небольшим, одет в подобие больничного халата, но ярко-красного цвета, как положено Заклейменным. Его ввели в другую дверь, не в ту, через которую прошли плачущие женщины и мужчины. Видимо, сразу в то внутреннее помещение. В камеру, где ставят Клеймо.

Мы с Кэрриком оба попытались заглянуть внутрь. Дверь резко захлопнулась перед нами. Я подскочила в испуге, а Кэррик снова уселся на скамью, руки крест-накрест на груди, смотрит прямо перед собой, злой, напряженный. К такому не подступишься, и я проглатываю вертевшиеся на языке слова, хотя никак не могу усидеть на месте, все пытаюсь себе представить, что там сейчас творится внутри. Через мгновение молчание разрывает

жуткий, душераздирающий вопль. Тот мужчина в камере Клеймления кричит, когда раскаленное железо впивается в его плоть, навеки впечатывая в нее символ «П».

Я словно прилипла к скамье, только тело сотрясает крупная дрожь. Оглядываюсь на Кэррика — он нервно сглатывает, огромный кадык дергается взад-вперед на широкой шее.

Фунар, довольный, возвращается к нам.

— Отыскал! — почти поет он, звеня ключами. — У меня же в кармане и застряли.

Он усмехается, отпирает боковую дверь, ведущую во внутренний двор.

Кэррик в два шага пересекает порог. Уже за дверью оборачивается, словно вспомнив обо мне.

Вокруг меня все вдруг начинает вращаться, стены надвигаются на меня, пол вздымается. Черная пелена перед глазами. Сейчас хлопнусь в обморок. Кэррик с тревогой глядит на меня. Вырубаюсь.

Мы так и не обменялись ни словом.

Через час я стою на все еще подгибающихся ногах перед огромными двойными деревянными дверями со сложным резным орнаментом. За ними путь во двор суда, двор позора. Он хорошо знаком мне по ежедневным новостям в прямом эфире: обвиняемых ведут через двор в Часовую башню, потом обратно, и корреспонденты, а также все любопытствующие могут хорошенько их разглядеть и дать волю возмущению. Родители встают по одну сторону от меня, мама берет меня за руку. По другую руку — мистер Берри. С обоих флангов нас прикрывают Тина и другой страж, Барк.

Мистер Берри поправляет галстук.

— Ровно? — спрашивает он Тину.

Тина кивает, обменивается с Барком взглядом, выражение которого разгадать нетрудно.

Я делаю глубокий вдох, дверь открывается, и на меня обрушивается то, к чему я оказалась совершенно не подготовлена. Первое, что я вижу, — кочан капусты, он летит прямо в меня, бьет в грудь. Со всех сторон злобные крики, вопли, мистер Берри решительно зашагал вперед, увлекая меня за собой. Мама на миг растерялась, но тут же собралась, словно на подиуме, двинулась дальше своей знаменитой походкой, и я беру с нее пример, подбородок выше, постарайся увернуться от яиц, муки, слюны, что там еще летит в нас из толпы.

Мистер Берри сквозь широкую улыбку только поспекает давать мне указания. «Улыбнись, перестань улыбаться, выше голову, ты не должна выглядеть виноватой, встревоженной тоже не должна, не реагируй, не смотри на того мужчину, осторожнее, какашки». Все это с неизменной улыбкой. С ямочками на щеках.

Я все крепче сжимала мамину руку, глянула ей в лицо — другую руку мама переплела с рукой отца, подбородок задран, лицо безмятежное, архитектурная прическа. Я попыталась подражать: каждая мелочь на своем месте, спокойствие, сдержанность, невинность, само совершенство.

Камеры направлены мне в лицо, ослепляют вспышки. Одни вопросы я успеваю разобрать, другие нет.

— Заслуживаешь ли ты Клеймо, Селестина?

— Какие бренды носишь?

— Ты веришь в честный и беспристрастный суд Трибунала?

— Надеешься, что тебе повезет, как Джимми Чайлду?

— Какую музыкальную группу ты сейчас слушаешь?

— Пластику носа делала?

— Ваше мнение об отношениях между правительством и Трибуналом в текущий момент?

Я думаю о множестве людей, которые за десятилетия прошли по этому двору, — в ту сторону они шли еще незапятнанными, а возвращались Заклейменными через двор визга и свиста, предрассудками мощенный. Я думаю о Кэррике, который вернулся нынче утром, а футболка вся в муке. Теперь я понимаю, откуда взялась мука. Нас предъявляют всем остальным, как зеркало худших кошмаров каждого. Мы — козлы отпущения за все, что у каждого в жизни дурного.

Камеры тычутся в лицо, эта дорога — самая длинная в моей жизни. Микрофоны, вопли,

насмешки, хищный присвист. Я чувствую изнутри, как дрожат мускулы лица, хотела бы знать, видно ли это со стороны. Обрыскала взглядом лица в толпе. Обычные, нормальные люди, но преисполненные ненависти. Одним любопытно, да и только, но кто-то лезет в это дело с ногами. А вот женщина кивает мне. С уважением кивает, спасибо ей за это.

Наконец вошли.

— Придется похлопотать, чтобы нам поверили, — бормочет мистер Берри, слегка ошеломленный, отряхивая свой пиджак.

Трое судей в кроваво-красных мантиях сидят во главе зала, на подиуме. БОльшую часть помещения занимают ряды кресел. Это не обычный зал суда, потому что он располагается в старом замке. Свободных мест нет, позади люди стоят, теснятся. Я подумала, это пресса, но, подойдя ближе, разглядела повязки — это все Заклейменные. Они стоят парами, между каждыми двумя — представитель прессы или общественный наблюдатель, как положено по закону, запрещающему Заклейменным собираться больше двух.

Я сажусь за стол впереди всего собрания, рядом мистер Берри.

Мама и папа садятся в передний ряд, сразу за мной. Джунипер нигде не видать. Я оглядываюсь по сторонам в безнадежных поисках Арта, увидеть бы его, и сил прибавится. Но нет его, сердце мое разбито. Потом я вижу деда и едва могу удержаться от слез. Он приветствует меня, прикоснувшись двумя пальцами к шляпе.

Боско велит мне встать.

— Селестина Норт, — провозглашает он. — Вы предстали перед этим судом, потому что вас обвиняют как недостойную гражданку нашей страны: вы обвиняетесь в порочности суждения и заслуживаете быть изолированной от нормального общества. Признаете ли вы это обвинение или отрицаете?

— Отрицаю! — говорю я, слабый голос мой еле слышен в огромном зале, но это уже позади, я рада, больше ничего не придется сегодня говорить, а то ноги трясутся и подгибаются, как бы не упасть.

— Очень хорошо. Мы выслушали ваше заявление, а в ходе судебного разбирательства заслушаем очевидцев происшествия и свидетелей вашего характера. На этом основании мы огласим приговор. Теперь вы свободны, возвращайтесь домой и завтра утром...

— Минуточку, судья Креван, — вмешалась судья Санчес. — Мы, судья Джексон и я, предпочтем, чтобы мисс Норт оставалась в камере до окончания суда.

Боско явно удивлен этим требованием.

— Учитывая положение мисс Норт и внимание, которое привлекло это дело, мы полагаем, что ее преждевременное возвращение домой позволит ей или другим людям использовать ее и ее историю в собственных интересах.

— Впервые слышу! — возмущенно говорит Боско. — И я решительно возражаю. Мы задерживаем обвиняемых, только если существует риск побега, а в случае мисс Норт подобной угрозы нет. Она не сможет исчезнуть именно потому, что привлекла всеобщее внимание.

— Совершенно верно, судья Креван, но, учитывая это всеобщее внимание, желательно предотвратить тот цирк, в который некоторые способны превратить столь серьезное дело.

— Но если она переночует у себя дома, ни с кем не будет общаться...

— Такое же предписание получил Джимми Чайлд, и мы прекрасно понимаем, что условия были нарушены.

Боско оцетинился, словно последний упрек был адресован лично ему.

— Мисс Норт — не мистер Чайлд.

— Разумеется, но этот случай нас чему-то научил. Мы полагаем, что в интересах Трибунала и обвиняемой ей следует оставаться в пределах замка Хайленд.

— Обсудим это в моем кабинете, нельзя решать это вот так, экспромтом.

— Я вношу предложение, — преспокойно заявила судья Санчес.

— Я поддерживаю, — кивнул судья Джексон.

— А я возражаю, — сказал Боско в полной растерянности. — Она же еще ребенок.

— Через полгода ей исполнится восемнадцать. Она помещена отдельно от других задержанных. Рядом с ней находится лишь один обвиняемый, восемнадцати лет — лучшее, что мы можем предоставить, учитывая обстоятельства.

Боско онемел.

— Итак, решение принято. Селестина Норт будет находиться в камере до окончания суда. — Судья Санчес ударила молоточком и самодовольно улыбнулась.

[Купить полную версию книги](#)